

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ

ДОНЕЦКО- КРИВОРОЖСКАЯ РЕСПУБЛИКА

РАССТРЕЛЯННАЯ МЕЧТА

Владимир Корнилов

**Донецко-Криворожская
республика. Расстрелянная мечта**

«Питер»

2019

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)7

Корнилов В. В.

Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта /
В. В. Корнилов — «Питер», 2019

ISBN 978-5-4461-1583-9

Гражданская война. Еще несколько лет назад казалось, что для современной Украины это понятие из начала XX века. Но война идет и ежедневно приносит новые жертвы. Донбасс – это особый регион, особая часть Русского мира. На колени его не поставить. И это совершенно очевидно, если знать, что происходило на этой земле во время предыдущей Гражданской войны. Книга известного политолога и писателя Владимира Корнилова рассказывает о Донецко-Криворожской республике, которая появилась на карте региона в 1918 году.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)7

ISBN 978-5-4461-1583-9

© Корнилов В. В., 2019
© Питер, 2019

Содержание

Благодарность	6
Однажды была такая страна	8
Предпринимательские истоки «большевистского изобретения»	16
«Новая Америка»	27
Аполитичный, патриотичный русский край	32
«...и родину народ сам выволок на гноище, как падаль»	38
Донецко-Криворожская область – пока без Украины и без большевиков	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Корнилов
Донецко-Криворожская
республика. Расстрелянная мечта

В память о Дмитрие Корнилове, пламенном патриоте Донбасса

© ООО Издательство «Питер», 2020

Благодарность

Эта книга не состоялась бы без поддержки многих людей и организаций, перечень которых сам по себе составил бы целую книгу.

В первую очередь, выражаю искреннюю благодарность экспансивному, яркому публицисту Александру Чаленко и известному историку и журналисту Олеся Бузине, которые в буквальном смысле заставили меня собраться с силами и в конце концов написать эту давно задуманную книгу.

Искренне благодарен за ценнейшие воспоминания, которыми поделился со мной Рубен Сергеев, внук легендарного Артема-Сергеева, основателя Донецкой республики.

Не могу не выразить особую признательность Валентине Илларионовне Астаховой, до недавнего времени ректору Харьковского гуманитарного университета, которая в свое время, в далекие 60-е, совершила прорыв в теме изучения истории Донецко-Криворожской республики своей книгой «Революционная деятельность Артема в 1917–1918 годах». Ее бесценные советы и рассказы о личном общении с деятелями ДКР, с вдовой Артема и иными свидетелями ушедшей эпохи стали значительным вкладом в создание этого труда. Благодарю многочисленных сотрудников библиотек и архивов, которые зачастую исключительно на своем энтузиазме поддерживают в сохранности остатки документов и материальных свидетельств эпохи существования Донецкой республики. Особо хотелось бы поблагодарить сотрудников Харьковской национальной библиотеки им. Короленко и ее директора Валентину Ракитянскую. Признателен за помощь также сотрудникам библиотеки Харьковского национального университета, Донецкого областного государственного архива, Донецкой областной библиотеки, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Кланяюсь низко в пояс местным историкам, энтузиастам своего дела краоведам Харькова и Донецка – в первую очередь, харьковскому публицисту Константину Кеворкяну, донецкому краеведу Евгению Ясенову, чугуевскому историку Артему Левченко, известному интернет-сообществу под именем «Вольноопределяющийся», донецко-черногорскому публицисту и философу Митару Роченовичу, к сожалению, недавно покинувшему этот мир. Очень благодарен киевскому историку, бывшему заместителю главы Госархива Украины Виктору Воронину за организационную поддержку, Владимиру Проскурину из организации «Память Державы» – за бесценные материалы по истории Харькова, владельцу сайта «Инфодон» Алексею Федько – за аналогичные материалы по истории Донбасса.

Благодарен своим, не побоюсь этого слова, друзьям, без поддержки которых эта книга не состоялась бы – одесскому патриоту Игорю Маркову, председателю Совета министров Крыма Сергею Аксенову, донецкому социологу Евгению Копатько. Большое спасибо за поддержку председателю парламента Новороссии Олегу Цареву.

Отдельное спасибо Институту стран СНГ и его директору Константину Затулину за то, что прониклись важностью момента и позволили выделить время для написания этой книги, отложив дела первостепенной важности на потом. Премного благодарен также заместителю директора Украинского филиала Института стран СНГ Денису Денисову за важную помощь в добывании ряда уникальных документов.

И, конечно же, не могу не выразить свое искреннее восхищение в адрес своей жены и сыновей. Спасибо им за долготерпение, связанное с моим частым и длительным отсутствием в период написания этой книги, за понимание этой ситуации, выдержку и любовь, которой они меня окружили, дав силы и неисчерпаемый источник вдохновения. Спасибо всем, кто прямо или косвенно помогал в создании этой книги.

Владимир КОРНИЛОВ

Однажды была такая страна

*«Била једном једна земља» («Однажды была такая страна»)
Эмир Кустурица*

6 февраля 2015 г. депутаты Народного совета непризнанной Донецкой народной республики официально провозгласили свое государственное образование правопреемником Донецко-Криворожской республики. «Провозглашаем продолжение традиций Донецко-Криворожской Республики и заявляем, что государство Донецкая Народная Республика является ее преемником. Призываем к сотрудничеству и объединению усилий по построению нового федеративного государства на добровольных договорных основах народ и территории Украины, входившие в состав Донецко-Криворожской республики, а также других областей, выразивших свое согласие стать равноправными субъектами федерации», – говорилось в принятом по этому поводу документе.

В этой книге речь как раз пойдет о короткой, но яркой истории Донецко-Криворожской республики (ДКР), этого государственного образования, появление и ликвидация которого сыграли значительную роль не только в истории Украины, но и в формировании, а позже и в распаде СССР. Речь пойдет о республике, сам факт существования которой на протяжении нескольких десятилетий пытались – как видим, безуспешно – предать забвению. О республике, которая в период своего краткого бытия успела стать образцом экономических и политических преобразований для всей России, пережить вооруженную интервенцию, масштабную эвакуацию и даже имела свой собственный правительственный кризис.

Как-то в беседе с автором этой книги известный украинский историк и политик Дмитрий Табачник предался воспоминаниям об учебе на истфаке Киевского университета. «Тогда можно было, в принципе, выбить любую тему, – рассказал он. – Можно было писать работы и о гетманщине, и о Директории, и даже об УПА. Само собой, под жестким идеологическим контролем; само собой, соблюдая генеральную линию партии. Но одна тема всегда была под жестким запретом. О ней нельзя было ни говорить, ни писать. Эта тема – Донецко-Криворожская республика».

Интересно, что последние кампании раскрытия «белых пятен» украинской истории вновь обошли многострадальную историю ДКР. Этой республике доставалось и при Ленине, а уж в 30-е гг. и подавно: из изданий по истории ВКП(б) сначала пропали фамилии ряда лидеров ДКР, а в 1934 г. было изъято даже упоминание о самой республике. Поскольку в «Кратком курсе истории ВКП(б)» ДКР не упомянули, «вычистили» эту тему и из мемуаров. С тех пор «если некоторые историки и вспоминали о существовании Донецко-Криворожской республики, то лишь с целью констатации факта ее создания»¹.

Сами же руководители Донецкой республики были подвергнуты репрессиям. Из десяти наркомов первого состава ДКР лишь один умер своей смертью. В 1921 г. при загадочных, до сих пор до конца не расследованных обстоятельствах погиб премьер-министр республики Ф. Артем-Сергеев, а с 1931 по 1938 г. один за другим расстреляны восемь членов бывшего Совнаркома ДКР. И лишь донецкий нарком труда Борис Магидов каким-то чудом уцелел, хотя тоже подвергся репрессиям и был арестован в 1939 г. Так расстреливали не только Донецко-Криворожскую республику, так расстреливали даже память о ней.

Невероятно, но факт: почти за столетие с момента создания ДКР, вплоть до появления книги, которую вы сейчас держите в руках, не было издано НИ ОДНОЙ монографии, книги, брошюры, которая была бы посвящена истории данного государственного образования! За это

¹ Варгатиук, с. 36, Ревезук, с. 10.

время вышло в свет столько томов, посвященных истории Украинской Народной Республики (УНР) или Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), что вряд ли кто-то сможет их пересчитать. И ничего – о республике, которая была создана в те же годы и имела легитимность не меньшую, чем вышеупомянутые образования. А то и большую, если учесть, мягко говоря, сомнительную легитимность высшего органа УНР – Центральной Рады.

Смешно сказать, в учебнике по истории Украины С. Кульчицкого и Ю. Шаповала за 10 класс нет даже упоминания (хотя бы словом, хотя бы полусловом) о ДКР, зато истории УНР отведено, по меньшей мере, 35 страниц, а истории ЗУНР – 13 страниц². В других учебниках ситуация не лучше: если о ДКР и упоминают, то буквально несколькими фразами, сопровождая их исключительно негативными оценками и отсылая к исключительно негативному мнению одного-двух ярых противников ДКР – либо Н. Скрыпника, либо Е. Бош. Альтернативная точка зрения современным украинским ученикам и студентам не предлагается.

Любопытно, что порой те же самые авторы, которые ныне превозносят УНР, раньше в советских учебниках по истории Украины яростно громили Центральную Раду, Петлюру и «украинский буржуазный национализм», превознося большевиков и «мудрого Ленина». И все они, резко поменяв свои идеологические позиции, тем не менее единодушно осуждали ДКР и тогда, и сейчас.

Так получилось, что Донецко-Криворожская республика самим фактом своего существования заведомо провинилась перед любой украинской властью и теми, кто идеологически ее обслуживает. По мнению советских историков второй половины XX в., создание ДКР, оказывается, противоречило «ленинской национальной политике». А по мнению нынешних украинских историков (подчеркиваю, порой тех же самых, которые воспевали Ленина пару десятилетий назад!), Донецкая республика чуть ли не создавалась «коварным» Лениным ради «расчленения Украины». Логику нынешних официозных историков Украины некоторые донбасские исследователи поясняют довольно просто: «О ДКР ни слова не сказано в школьных учебниках истории Украины, более того – о ней не знают даже профессиональные историки! Наверно, слишком неприглядно выглядела бы Центральная Рада на фоне краткой и поистине героической истории ДКР»³. Тогда в ее создании были виноваты меньшевики и эсеры, а сейчас – большевики! Тогда против ее существования боролись «верные ленинцы» Скрыпник, Бош и Артем, а сейчас выясняется, что ее создали «верные ленинцы» Филов, Жаков, Васильченко и... самой собой, тот же Артем!

Стоит заметить, что фигура Артема-Сергеева стала некоторой спасительной нитью для истории ДКР. Безусловно, самая яркая личность в плеяде незаурядных людей, создававших эту республику, Артем практически был официально канонизирован советскими идеологами сразу после своей гибели. И изучая его биографию, очень сложно было обойти неудобный для сталинских историков факт из жизни харьковского большевика. Мало того, с момента официального осуждения главного противника идеи выделения Донкривбасса Николая Скрыпника (само собой, тоже большевика) у создателей ДКР даже появилось некоторое преимущество. Как пишет современный украинский историк А. Удод, «после разгрома «скрыпниковщины» и самоубийства Н. Скрыпника в освещении истории ДКР произошли понятные метаморфозы: имя Скрыпника исчезает из публикаций, таким образом у Артема (тоже покойного) не осталось оппонентов, а стало быть, Ф. Сергеев и другие организаторы ДКР оказались вне зоны политической (а соответственно, и научно-исторической) критики»⁴.

² См. Кульчицкий С., Шаповал Ю. Історія України (1914–1939): Підруч. для 10 кл. загальноосвіт. навч. закл. – К.: Генеза, 2003.

³ Даренский, с. 13.

⁴ Удод, с. 224.

Справедливости ради, стоит заметить, что автор этой фразы явно преувеличивает, говоря о «других организаторах ДКР» – он, видимо, не учел, что практически все они, как было сказано выше, также подверглись репрессиям, а потому их имена были «зачищены» из всех учебников и монографий, как и имя Скрыпника. Однако воспевание непогрешимости Артема, конечно, давало некую лазейку для тех, кто интересовался историей ДКР.

И этой лазейкой воспользовалась в 1966 г., когда хрущевская «оттепель» позволила приоткрыть многие запретные темы, молодая харьковская исследовательница Валентина Астахова (в те дни ей было всего 30 лет, а сейчас Валентина Илларионовна Астахова является признанным авторитетом в области украинской истории, доктором исторических наук, с 1991 г. вплоть до недавнего времени – бессменный ректор Народной украинской академии в Харькове). Тогда она издала монументальный труд об Артеме – «Революционная деятельность Артема в 1917–1918 годах». И если до сих пор биографы лидера харьковских большевиков старались стыдливо прикрывать его причастность к созданию и функционированию Донецкой республики (некоторые умудрились вообще не упомянуть об этом), то Астахова отвела ей целую главу своей книги, введя в оборот немало доселе не публиковавшихся или «забытых» документов⁵. Валентина Астахова в те далекие годы сразу после окончания университета работала учителем истории в харьковской школе № 36, где на своем неимоверном энтузиазме создала уникальный музей Артема. Создавая его, молодая исследовательница лично связалась со старыми большевиками, последними, кто лично знал Артема и был свидетелем создания ДКР (Магидов, Эрде, Ворошилов, Петриковский, Селявкин), а также близко сошлась с Елизаветой Сергеевой-Артем, вдовой главы ДКР, получив от них для музея ценнейшие документы и материалы, связанные с той эпохой. Во время подготовки книги, которую вы сейчас держите в руках, автору довелось пообщаться все с такой же юной духом и полной энтузиазма Валентиной Илларионовной Астаховой, которая поделилась своими воспоминаниями о тех давних встречах и своими советами внесла бесценный вклад в написание сего труда. Печалит лишь тот факт, что уникальному музею Артема в независимой Украине места не нашлось...

Хрущевская «оттепель» длилась недолго. Покойный ныне журналист и исследователь истории Донбасса Дмитрий Корнилов писал по этому поводу: «Однако (как это часто было и с другими незаконно репрессированными), реабилитация жертв исторического произвола была “заморожена” в брежневские времена. Их не запрещали. Но и не пропагандировали. А часто даже препятствовали в деле изучения тех или иных подробностей. Известна история об одном восточноукраинском исследователе, которому не удалось в 70-е защитить кандидатскую диссертацию по истории ДКР: ВАК “зарезал” тему как слишком крамольную»⁶. Речь идет о полтавском историке Викторе Ревеуге, который в 1975 г. все-таки получил степень кандидата наук с диссертацией «Донецко-Криворожская республика», где были введены в научный оборот неоценимые, уникальные материалы по истории ДКР.

Тогда, в далекие 70-е, полтавский исследователь писал о теме своей диссертации: «Еще нет ни одной обобщающей работы, посвященной этому важному вопросу»⁷. С тех пор закончилась «эпоха застоя», промелькнула перестройка с ее кампанией «открытия белых пятен» и снятия запретных тем (соответственно, с переводом ранее открытых тем в категорию новых «белых пятен»), наступила пора «демократии» – а фраза Ревеуга так и оставалась актуальной вплоть до 2010 г., когда в Днепропетровском национальном университете была защищена всего лишь вторая (это почти за столетие с момента провозглашения ДКР!) довольно поверхностная кандидатская диссертация на тему истории данного гособразования. На этот раз авто-

⁵ Астахова, с. 94–122.

⁶ Корнилов Д., Отчаянная республика.

⁷ Ревеуг, с. 18.

ром стал днепропетровский преподаватель, украинский офицер запаса Олег Поплавский⁸. Не прошло и полувека после предыдущего исследования...

Ясно, что и Ревегук, и Поплавский, соответствуя своим эпохам и подходя с полярных идеологических позиций к событиям 1917–1918 гг., сходятся в сдержанно-негативной оценке факта существования ДКР. «Создание Донецко-Криворожской республики было ошибкой, вело к расчленению Советской Украины, противоречило ленинской национальной политике», – писал в 1974 г. В. Ревегук (забавно, что на выборах президента Украины в 2010 г. Виктор Яковлевич Ревегук, когда-то отстаивавший каноничность «ленинской национальной политики», стал доверенным лицом лидера украинских ультранационалистов Олега Тягнибока в Полтавской области). «Причины создания Донецко-Криворожской республики кроются преимущественно в нигилистическом отношении части большевицкого руководства к украинскому национальному движению, украинской государственности», – написал спустя 36 лет О. Поплавский. При этом, по мнению современного исследователя, создатели ДКР действовали не ВОПРЕКИ «ленинской национальной политике», а, наоборот, СЛЕДУЯ ЕЙ⁹.

«Таким образом, – подытоживает Поплавский, – несмотря на государственные границы, большевики полностью по российскому сценарию навязали свою власть на Юге Украины»¹⁰. Правда, непонятно, какие «государственные границы» в данном случае имеет в виду автор. Ведь и УНР, и ДКР, и ЗУНР, и большевистская Москва, и даже австрогерманские оккупанты видели эти границы по-разному. И никто из них тогда так и не пришел к единому мнению по этому поводу.

«Три эшелона, тяжелый бронепоезд, пушки на платформах, деловитый народ с “мосинками” – харьковские металлисты, луганские забойщики, юзовские слесари. Не сдается Донецко-Криворожская республика, собирает силы для последнего боя. Все на борьбу с германским империализмом! Не отдадим врагу родную пролетарскую Украину!..

Не улыбается комиссар, не шутит. Кончились шутки – немцы в Донбассе, истекает кровью Донецко-Криворожская».

Андрей Валентинов

«Капитан Филибер»

Повторимся, обе вышеназванные работы – это не книги, не монографии, речь здесь идет о научных работах, которые доступны очень узкому кругу профессиональных историков, а не широкой публике, для которой тема существования Донецко-Криворожской республики по-прежнему является сплошным «белым пятном». Это касается даже некоторых историков Донбасса. Так, Дмитрий Корнилов вспоминал: «Мой коллега-журналист Игорь Сычев, историк по образованию, рассказывает, что о Донецко-Криворожской республике он впервые узнал не из учебников, не из специальных книг, а... из художественной литературы – о ДКР говорилось в повести Алексея Толстого “Хлеб”»¹¹. Для многих жителей Донецка факт существования своей республики стал известен лишь в 1990 г. благодаря полуподпольным лекциям, которые проводили тогда Интердвижение Донбасса и автор этой книги.

Вот и нынешнее поколение молодых людей Донбасса до сих пор с удивлением открывало для себя тему существования Донецкой республики не на страницах учебников, а в художественной литературе – например, в фантазмагорической книге Андрея Валентинова «Капитан Филибер»¹². То есть авторы беллетристики считают данную тему не только интересной

⁸ См. Поплавський, Дисертація.

⁹ Ревегук, с. 195, Поплавський, Автореферат диссертации, с. 15.

¹⁰ Поплавський, Автореферат диссертации, с. 16.

¹¹ Корнилов Д., Отчаянная республика.

¹² См. Валентинов А., Капитан Филибер.

для своих читателей, но даже захватывающей, а историки ее обходят стороной! Ну не поразительно ли? При этом в Крыму издаются брошюры об истории республики Тавриды, на Кубани – о Кубано-Черноморской республике, в Ростове издано огромное множество книг о периоде государственной автономии Области Войска Донского. О количестве фолиантов и многотомных сочинений, посвященных истории УНР или ЗУНР, говорить не приходится. А в Донецке лидер одной из политических организаций заявил, говоря об изучении истории ДКР: «Об этом нельзя рассуждать даже в теории»¹³.

Примерно в том же духе высказался и бывший президент Украины Виктор Ющенко. Когда во время общения экс-президента с журналистами по поводу так называемого «Дня злуки» политический обозреватель Александр Чаленко напомнил новоиспеченному специалисту по трипольской культуре, что на территории современной Украины, помимо «злучившихся» УНР и ЗУНР, существовали и другие образования, вроде Донецкой и Одесской республик, Ющенко ответил буквально следующее: «А что бы вы могли рассказать о Донецко-Криворожской республике, а ну расскажите, пожалуйста? А что такое республика? Какие признаки этого государства? Свои деньги, своя армия, свое правительство, внешняя политика. У них это было? Ну, давайте серьезными быть, уважаемые... Вы смеетесь и спрашиваете, и отнимаете время у нашего приятного общения. Я хочу одно сказать: Одесских республик, Донецких республик – их никогда не было и не будет...»¹⁴

Вот так! Не было их! ЗУНР была, УНР была, а Донецкой республики, оказывается, не было! Потому что у нее якобы не было своих денег, армии, правительства. Чаленко, ошеломленный подобными изысканиями бывшего «Гаранта», даже решил повеселиться и предложил привлечь того к ответственности за «публичное отрицание дончан и одесситов».

Причины такого неведения, такого закрывания глаз на очевидные исторические факты, такого животного страха даже перед постановкой темы (пусть и с «идеологически выдержанными» выводами, соответствующими сиюминутной «генеральной линии») мы рассмотрим ниже. Пока же остается констатировать, что история Донецко-Криворожской республики по мере сохранения академического молчания вокруг нее обретает популярность в блогосфере и все больше обрастает мифами. Д. Корнилов отнес к разряду мифов даже название «Донецко-Криворожская республика»: «В момент своего провозглашения она называлась Донецкой. Донецко-Криворожской ее официально стали называть несколько позже»¹⁵. Тут следует заметить, что республику называли по-разному (в том числе в официальных документах) и во времена ее существования. Официально постановление о создании ДКР называлось «По вопросу о выделении Донецкого Бассейна», а речь в нем идет именно о «Донецком и Криворожском бассейне» и, соответственно, о «Совете Народных Комиссаров Донецкого и Криворожского бассейнов»¹⁶. При этом в различных документах фигурировали надписи: «Донецкая Республика», «Донецкая республика Советов», «Республика Донецкого и Криворожского (в некоторых документах звучало «Криворогского») бассейнов», «Федеративная республика Донецкого бассейна», «Донецкая Федерация» и даже «Донская республика» (последнее – явная ошибка тех, кто слышал и о существовании Донской республики Советов, созданной большевиками в Ростове весной 1918 г.)! Фигурировало и название, ставшее позже общепризнанным, – Донецко-Криворожская республика. К примеру, именно так ее называли Артем и члены его правительства в своем официальном обращении, изданном в день отступления из Харькова¹⁷. В неформальном общении употреблялись термины и «Донкривбасс», и «Кривдонбасс», и просто

¹³ Корнилов Д., Артем.

¹⁴ Корнилов В., 15 мифов и правда о Донецко-Криворожской республике.

¹⁵ Корнилов Д., Отчаянная республика.

¹⁶ Стенограмма IV Съезда советов Донецкого и Криворожского районов.

¹⁷ Донецкий пролетарий, 7 апреля 1918 г.

«Донбасс». Антонов-Овсеенко вполне официально использовал термин «Донбасреспублика». В общем-то, в те годы подобные сокращения, ныне зачастую режущие слух, были модными. Так, Центральный исполнительный комитет Украины и его члены назывались «Цикукой», большевики и меньшевики именовали друг друга даже в официальной переписке «беками» и «меками», съезд горнопромышленников назывался «Горносъездом» и т. д.

Поэтому в данной книге будут использованы различные общепринятые названия для государственного образования, созданного в январе 1918 г. в Харькове, в том числе традиционное – Донецко-Криворожская республика, или же ДКР. В дни, когда рушилась Россия и на ее окраинах тут и там формировались различные образования, можно было наткнуться на самые невероятные сочетания названий той или иной республики. Достаточно вспомнить, как тогда в различных документах (в том числе во вполне официальных) называли саму Российскую Федерацию – Советской Федерацией России, Федеративной Социалистической Республикой Советов в России, Федерацией Социалистических Республик, Рабоче-Крестьянской Российской Республикой, Трудовой Русской Республикой, Великорусской Советской Республикой и т. д.

Одним из мифов, связанных с ДКР, является ее флаг. С легкой руки общественной организации «Донецкая Республика», созданной на волне «оранжевых» событий 2004 г., в Интернете активно стала развиваться легенда о том, что у ДКР якобы существовал черно-сине-красный флаг, который теперь хорошо известен всему миру по событиям 2014–2015 гг. в Донбассе. Нашлись «авторитетные специалисты», заявившие о том, что им доподлинно известно о том, что в 1918 г. использовалось красно-сине-черное знамя. И во многих интернет-источниках на полном серьезе приводится данный флаг как флаг ДКР¹⁸. На самом деле, данный триколор был флагом того самого «Интердвижения Донбасса» в конце 80-х – начале 90-х. Это знамя, в самом деле, в период жаркой дискуссии вокруг того, какой флаг будет у независимой Украины – сине-желтый или красно-синий, – предлагался в качестве флага Донбасса. Логика была проста: красно-синий флаг Украины и черная полоска, символизирующая донецкий уголь. Затем кто-то этот флаг перевернул – и появилось такое себе «историческое знамя ДКР», ставшее в итоге и флагом Донецкой народной республики.

У Донецкой же республики в 1918 г., конечно же, не могло быть иного флага, кроме знамени советской России. Как мы увидим ниже, отцы-основатели ДКР никогда не помышляли об отделении от Российской Федерации и планировали стать ее автономным субъектом. Потому и флаг использовался исключительно красный (впрочем, в то время красный флаг был общим практически для всех социал-демократических организаций, использовался он в 1917 г. и на украинских митингах – наряду с желто-голубым). Не сохранилось ни одного документа, который свидетельствует о том, что руководители ДКР вообще дебатировали по поводу вопроса о символике – споров это не вызывало ни у кого. Немало недоразумений вызывала до недавнего времени и дата основания Донецко-Криворожской республики. Речь шла и о январе, и о феврале. Во многом это вызвано тем, что IV областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского районов, на котором было провозглашено создание ДКР, проходил как раз накануне перехода календаря на новый стиль. В связи с этим сразу после 31 января начиналось 14 февраля (кстати, именно поэтому даты в данной книге приведены по старому стилю до 31 января 1918 г. и по новому стилю после 14 февраля). Чаще всего фигурирует дата 9 февраля 1918 г., поскольку именно в этот день (то есть 27 января по старому стилю) начался упомянутый съезд. Именно в этот день различные организации Донбасса устраивали акции, связанные с памятью о ДКР. А Куйбышевский райсовет Донецка в феврале 2008 г. даже официально обратился к Донецкому горсовету с предложением провозгласить 9 февраля «Днем народного единства Донбасса» – по аналогии с празднованием «Дня Злуки»,

¹⁸ См. к примеру: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/6113231>

к которому восточные области нынешней Украины, вроде бы, с исторической точки зрения отношения никакого не имеют.

Как бы то ни было, сохранившаяся стенограмма съезда однозначно зафиксировала дату обсуждения вопроса «О выделении Донецкого бассейна» и принятия соответствующего решения. Произошло это на 7-м заседании съезда, которое состоялось во вторник, 30 января по старому стилю, то есть 12 февраля 1918 г. по новому. Первое же заседание правительства ДКР состоялось всего через день, но это уже было 14 февраля – первый день жизни России по новому стилю, что было очень символичным для Донецко-Криворожской республики. И если благодаря этой книге хотя бы на несколько всеобщих мифов и заблуждений станет меньше, значит, она достигла своей цели.

Книга, которую вы держите в руках, совершенно не претендует на полное, всестороннее, завершённое исследование. Скорее, это можно назвать «кратким курсом истории Донецко-Криворожской республики». С одной стороны, эта книга не является академическим исследованием, автор позволяет себе выйти за рамки постного перечисления фактов, допуская некоторые полемические комментарии. Но с другой стороны, именно потому, что многие факты, приведенные здесь, и комментарии наверняка вызовут полемику и дискуссии, автор сознательно сопровождает каждую из приведенных цитат ссылками на многочисленные документы (для удобства читателей, не любящих обилие ссылок, все они собраны в конце книги). Наличие ссылок важно хотя бы потому, что очень многие документы (особенно материалы периодической прессы Донецкой республики) публикуются впервые.

Очень хотелось бы надеяться, что данный труд станет лишь началом, за которым последуют новые исследования, посвященные истории незаслуженно забытого историками государственного образования. Тот факт, что почти за столетие ничего по истории ДКР, кроме кратких разрозненных и зачастую очень поверхностных статей в периодической печати, так и не появилось, наталкивает на грустное предположение о сохранении табу и негласных запретов на ряд спорных тем в украинской исторической науке. Печально констатировать, что самые значительные, фундаментальные научные изыскания в области сложной истории Донбасса тех лет опубликованы за границей¹⁹.

Очень хотелось бы, чтобы данная книга послужила основой для написания более фундаментальных исследований истории Восточной Украины периода революции 1917 г., гражданской войны и периода закрепления Донецко-Криворожского бассейна в составе Украины. Это особенно важно в свете изучения истории взаимоотношений России и Украины, поскольку судьба Донецко-Криворожской республики стала, по сути, ключевым вопросом в отношениях между Москвой и Киевом во время и после гражданской войны.

В заключение этой затянувшейся преамбулы коснемся еще двух аспектов, которые могут вызвать вопросы и споры, – терминов и временного периода исследования. Любой историк, который описывает события 1917–1918 гг., произошедшие на территориях современной Украины, сталкивается с дилеммой, связанной с географическими терминами. Порой диву даешься, как современные украинские историки искажают или обрывают цитаты, в которых используются слова «Юг России», «российский» или «Новороссия» применительно к землям, которые ныне называются «Юго-Востоком Украины».

Западная исследовательница экономической истории Юга России Сюзан Маккаффри эту дилемму разрешила просто, объяснив, что использует географические термины исследуемого периода, а не современные: «Я вовсе не намерена проявить неуважение к украинцам использованием терминов «Юг» и «Южная Россия» в своей работе. Все действующие лица в этой книге называли данный регион именно этими терминами, и было бы неуклюже с моей стороны

¹⁹ Речь, прежде всего, идет о книгах Гироаки Куромия (Hiroaki Kuromiya, *Freedom and terror in the Donbass*) и Теодора Фридгута (Theodore H. Friedgut, *Iuzovka and Revolution*).

искусственно навязывать в их фразы термины «Украина» и «украинцы», которые они в отношении себя никогда не употребляли»²⁰ (от себя добавим, что современные украинские историки часто грешат подобными неуклюжими действиями, заменяя подобным образом фразы в первоисточниках).

Действительно, подход профессора Маккаффри кажется наиболее верным, поскольку он позволяет избегать неправильного толкования одних и тех же терминов, по-разному толкуемых с точки зрения современности и эпохи столетней давности. Поскольку термин «Украина» относился чаще всего к нескольким землям современной Центральной Украины, а слова «украинский» или «украинец» в описываемый период зачастую обозначали политическую, а не этническую принадлежность, в данной книге будет использоваться та же терминология, которая применялась в 1917 г. По тем же причинам мы не будем искажать цитат, как это порой делают сейчас, и заменять предлог во фразе «на Украине» – не надо забывать, что именно так писали и говорили тогда и по-русски, и по-украински и противники самостийности, и отцы-основатели незалежной Украины.

По той же причине просьба не удивляться использованию слова «харьковцы». В беседе с автором этой книги один известный украинский политолог, являющийся выходцем из Харькова, с пеной у рта доказывал, что слова «харьковец» никогда не существовало, а жителей Харькова испокон веку называли «харьковчанами». Но поскольку здесь будет приведено немало цитат из харьковской прессы того периода, где вы не встретите слова «харьковчанин», в книге также будет использован термин того периода. Кстати, жители Луганска тогда тоже еще не подозревали, что они – луганчане, а не луганцы.

Временные же рамки, которые охватывает данная книга, конечно же, шире, чем время существования Донецкой республики. Говоря о ее возникновении, мы не можем обойти вопрос о предпосылках возникновения идеи административно-территориального выделения региона, а потому вынуждены коснуться событий, предшествовавших 1918 г. Если же мы решим ограничить описание истории ДКР датой ее официального прекращения деятельности, то сразу же столкнемся с трудностью. Дело в том, что Донецко-Криворожская республика официально никогда не была распущена! А потому в исторической и справочной литературе мы можем столкнуться с разнообразными датами окончания ее деятельности. Некоторые заканчивают историю ДКР эвакуацией ее правительства из Харькова в апреле 1918 г., некоторые – эвакуацией из Луганска в мае 1918 г. Кое-где звучит мнение о том, что республика прекратила существование вообще в марте, когда состоялся II Всеукраинский съезд Советов, на котором Артем якобы признал ДКР частью советской Украины. Как будет доказано ниже, любое из этих утверждений не соответствует истине и легко опровергается массой документальных свидетельств. Ликвидировали ДКР в феврале 1919 г. решением Ленина и Сталина, а отнюдь не решением жителей Донецкой республики (причем делали это негласно и довольно жестко).

Однако и после этого идея административной самостоятельности Донецко-Криворожского региона в рамках СССР или же хотя бы автономии в рамках советской Украины оставалась живучей. Политики и жители региона не раз поднимали вопрос об этом перед высшими органами власти. Поэтому говоря об истории создания и ликвидации ДКР, мы вынуждены рассмотреть вопрос чуть шире: как и когда Харьков, Донецк, Луганск, Днепрпетровск, Запорожье и другие города, входившие в Донецкую республику, стали в итоге Украиной. А потому и хронологические рамки исследования не ограничиваются моментом ликвидации ДКР.

²⁰ McCaffray, с. 245.

Предпринимательские истоки «большевистского изобретения»

Сейчас общепринято считать ДКР исключительно продуктом творчества большевиков. Газета «Зеркало недели» даже свою статью назвала: «Детище пламенного революционера Артема. К 90-летию Донецко-Криворожской советской республики»²¹. Согласно этой статье и целому ряду других поверхностных упоминаний о ДКР, данное государственное образование совершенно искусственным образом, на ровном месте было создано большевиками исключительно из временных тактических соображений. Авторы подобных утверждений не утруждают себя вопросом: откуда вообще взялась идея административного обособления значительной территории Российского государства, на которой проживает чуть меньше половины населения современной Украины?

Аргументацию современных украинских исследователей частично воспринимают и за рубежом. Так, известный японо-американский исследователь Гироаки Куромия, с одной стороны, вполне логично оценив причины появления ДКР («киевский национализм вынудил Донбасс отделиться от Украины»), тем не менее посчитал это государственное образование «бюрократическим творением» (в украинском переводе – «витвором»). На это крымский аналитик Андрей Мальгин резонно замечает: «Интересно, как он себе представляет бюрократию на первом году революции?»²²

На самом деле, идея выделения Донкривбасса принадлежала вовсе не большевикам, о чем фактически прямо пишет и В. Винниченко, заявивший, что «Донецкая Федеративная Советская Республика» (еще одно название ДКР, которое использовал только Винниченко) творилась «совсем по тому самому разделу, как и в кадетской Комиссии Временного Правительства, как по Инструкции Генеральному Секретариату, губернии Харьковская, Екатеринославская, Херсонская (уголь, железо, хлеб) создавали одну республику»²³. Кстати, привязки к мнению «кадетской комиссии» не скрывали и творцы ДКР – об этом прямо говорится в официальном заявлении Совнаркома Донецкой республики, опубликованном накануне его эвакуации из Харькова в апреле 1917 г.: «Всего несколько месяцев тому назад Киевская Рада в договоре с князем Львовом и Терещенко установила восточные границы Украины как раз по линии, которая являлась и является западными границами нашей Республики»²⁴. Так откуда же взялись эти границы в 1917 г., если верно утверждение идеологов украинской государственности о том, что искусственное образование было на ровном месте выдуманно «пламенным революционером» Артемом в 1918 г.?

Тем, кто безоговорочно воспринимает постулаты официальной идеологии, это может показаться странным, но тем не менее это факт: идею административного выделения промышленных регионов Донецко-Криворожского бассейна, объединения этих регионов (административно разъединенных в Российской империи границами двух губерний и Области Войска Донского) на протяжении нескольких десятков лет высказывали отнюдь не большевики, а именно представители крупной буржуазии, те самые «мироеды», с которыми большевики нещадно боролись в годы существования ДКР. В первую очередь речь идет о Совете съездов горнопромышленников Юга России (ССГЮР) – структуре, которой пугали пролетариат после 1917 г. и которой восторгаются некоторые западные аналитики сегодняшнего дня. Говоря о появле-

²¹ См.: Зеркало недели, 8 марта 2008 г.

²² Куромия, с. 149–150, Мальгин, с. 75.

²³ Винниченко, т. 2, с. 270.

²⁴ Известия Юга, 7 апреля 1917 г.

нии и обосновании идеи административного объединения и выделения всего Донецкого бассейна, нельзя не упомянуть эту структуру (если, конечно, отвергнуть поверхностный подход о невесте откуда появившейся в голове Артема идее).

И вновь приходится констатировать тот печальный факт, что историю этой организации, в значительной мере влиявшей не только на экономику южнорусских земель, но и на внутреннюю политику всей России, активно изучают именно на Западе, а не у нас. После Октября 1917 г. горнопромышленников заклеили как главных врагов трудового класса и упоминали исключительно в негативном свете. Многочисленные труды их съездов – ценнейший источник для изучения экономической истории России и Украины – разбросаны по различным библиотекам мира (большой частью опять-таки за рубежом). Масштабные исследования о работе ССГЮР публиковались либо в дореволюционной России, либо все там же, за рубежом²⁵. Потому, говоря об этой организации, приходится совершить краткий экскурс в ее историю.

Идеологом первой встречи горнопромышленников Юга, состоявшейся в 1870 г., выступил талантливый горный инженер, энергичный первопроходец угольного Донбасса Петр Горлов, чье имя ныне увековечено в названии города Горловка. Первый съезд и оформление Ассоциации горнопромышленников Юга состоялись в ноябре 1874 г. в Таганроге. Бюджет этой первой встречи предпринимателей составил всего 158 рублей плюс 97 рублей на оплату stenografistok и дополнительные расходы. Вряд ли кто-то из устроителей данного собрания мог предположить, что через несколько десятилетий, в 1912 г., ежегодный бюджет созданной ими организации будет составлять почти миллион рублей, а влияние на политическую жизнь всей империи будет колоссальным²⁶.

Люди, которые учреждали данную структуру, по словам Фридгута, «создавали видение индустрии Донбасса и соединяли это видение с горнопромышленной экспертизой и опытом». Американский исследователь России Альфред Рибер считает их примером комбинирования технологических и менеджерских типов, а его соотечественница, профессор Сюзан Маккаффри, посвятившая ассоциации горнопромышленников Юга России целую книгу, вообще считает данную структуру основной моделью «новой работы» и новой эры в анализе. Профессор полагает, что на съездах южнорусских горнопромышленников определялось экономическое будущее империи, то, как «должна выглядеть индустриальная Россия»²⁷.

Несомненно, основная заслуга в быстром оформлении и росте ССГЮР принадлежит Николаю Авдакову, который возглавлял эту организацию (временами формально, временами неформально) с 1878 г. вплоть до Первой мировой войны. Это он создал структуру союза, соединив в нем как богатейших предпринимателей, владельцев шахт и металлургических заводов, так и теоретиков, профессоров, инженеров. Это он в конечном итоге закрепил Харьков в качестве базового центра организации, предопределив таким образом и центральное положение города в будущем Донецко-Криворожском бассейне.

С 1902 г. на центральной улице Харькова (улица Сумская, 18) появилось огромное здание штаба Горно съезда, ставшее одной из главных достопримечательностей. Туристический гид по Харькову в 1915 г., указывая на это здание, с гордостью повествовал: «Харьков является центром южно-русского горнопромышленного района и съезды горнопромышленников,

²⁵ В первую очередь следует обратить внимание на следующие труды: фон Дитмар, Краткий очерк истории съездов горнопромышленников юга России. Харьков, 1908; Фомин П. И., История съездов горнопромышленников юга России. Харьков, 1906; Susan P. McCaffray, Politics of Industrialization in Tsarist Russia: The Association of Southern Coal and Steel Producers, 1874–1914. Northern Illinois University Press, 1996

²⁶ Friedgut, т. 2, с. 25, 33, Щербініна, с. 85.

²⁷ Friedgut, с. 29, McCaffray, с. XV.

происходящие ежегодно зимою, являются хозяевами всей этой крупной промышленности»²⁸. Сейчас в этом здании располагается радиотехнический техникум.

В итоге ССГЮР стал главной лоббистской структурой в России, без мнения которой правительство не принимало ни одного важного решения в отрасли. С него стали делать кальку подобные же объединения в Москве, Петрограде, на Урале и т. д. К мировой войне значение Совета еще больше усилилось. Практически по его инициативе и на его организационной базе начали создаваться государственные монополии – «Продамета», «Югомета», Осотоп, «Продуколь» и т. д. «Они не были формально частью ассоциации, но она была их духовным домом»²⁹.

История ССГЮР и его роль в развитии российской экономики – это тема отдельного исследования. Нас же в применении к теме книги данный союз интересует в связи с его представительством и географическим охватом деятельности. Позиционируя себя как структуру, объединяющую деятелей Юга России, Союз создал региональную структуру экономической области, не признающую административных границ империи, которые формировались задолго до появления на территории Донбасса промышленных шахт и крупных предприятий. Авдаков представлял Харьков, остальные были из Ростова, Мариуполя, Юзовки и даже Воронежа. На третьей конференции горнопромышленников Юга России, состоявшейся в Харькове в конце сентября 1917 г., были представлены 460 владельцев шахт и металлургических компаний из Харьковской, Екатеринославской губерний и из Области Войска Донского, где к тому времени активно разрабатывались антрацитовые рудники³⁰.

Как пишет Маккаффри, Донбасс был разделен границами трех административных единиц: «Крайний восток был богатой антрацитом землей, находящейся в Донском военном округе, традиционной казачьей территории, управляемой Военным министерством и бывшей субъектом особых законов и привилегий. Внутри обширной Екатеринославской губернии, оторванной от сердца потемкинской Новороссии, битумный уголь и антрацит были поделены между двумя восточными уездами – Бахмутским и Славяносербским»³¹.

Некоторые административные границы разделяли порой одно и то же предприятие. Например, сооружения обширного Новороссийского общества располагались и в Юзовке Екатеринославской губернии, и в соседней Макеевке, которая уже находилась в автономной Области Войска Донского.

АВДАКОВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ

Родился 16 (28) февраля (по другим данным – 31 марта (13 апреля) 1847 г. в станице Щедринская Кизлярского округа Кавказской области. Большую часть жизни прожил в Харькове (особняк на Сумской, 52 – ныне его пытаются признать не соответствующим критериям «архитектурного памятника» и сломать).

Без сомнения, один из самых предприимчивых людей в России конца XIX в. Сын коллежского асессора, армянин православного вероисповедания. Начал трудовую деятельность в 1873 г. в должности техника по подземным работам в Рутченковском горнопромышленном обществе (ныне – территория Донецка). Вскоре стал директором этого общества и одним из самых богатых людей России – его годовой доход составлял до 400 тыс. рублей в год.

Пользовался непререкаемым авторитетом в деловых и правительственных кругах. Являлся членом всех возможных правительственных комиссий, с 1906 г. до самой смерти был членом Госсовета

²⁸ Харьков. Путеводитель для туристов и экскурсантов, с. 68.

²⁹ *Friedgut*, т. 2 с. 35.

³⁰ *Friedgut*, т. 2, с. 30, 279, 280.

³¹ *McCaffray*, с. 4.

Российской империи, параллельно возглавляя Совет съездов представителей промышленности и торговли и являясь лоббистом крупнейших финансово-промышленных групп Юга России.

Имел большой авторитет и за границей. Представлял в России интересы французского общества «Societe generale». Аналитик банка «Credit Lyonnais» писал о нем: «Мсье Авдаков, русский инженер армянского происхождения, живя в Харькове, является самым выдающимся человеком в Южной России и по праву считается блестящим коммерческим директором».³²

Умер 11 (24) сентября 1915 г. в Харькове.

Сохранилось письмо председателя правления Русско-Бельгийского металлургического общества (ныне Енакиевский металлургический завод) Иванова министру торговли и промышленности правительства гетмана Скоропадского от 27 ноября 1918 г. о забастовке рабочих предприятия. Бизнесмен сообщает: «Территория завода и угольных копей примыкает к Области Войска Донского, а один из угольных рудников общества находится на самой территории Области Войска Донского, соединенный с заводом железнодорожной веткой общества же протяженностью всего в четыре версты. Этот рудник охраняется казаками и в силу этого в забастовке участия не принимает». В этой связи промышленник выражал надежду на то, что донские казаки могут взять на себя охрану и всего завода, большей частью находившегося в тот момент на территории как бы «независимого» Украинского государства³³.

Однако разбросанность структур и цехов одного и того же предприятия по различным административным единицам, которую Русско-Бельгийское общество пыталось использовать в 1918 г. с политической выгодой для себя, явно не способствовала развитию бизнеса до 1917 г. В каждой губернии существовали свои правила, заметно отличавшиеся от порядков соседней. К примеру, вплоть до 1864 г. право добычи угля в Донской области принадлежало исключительно донским казакам, что создавало непреодолимые проблемы для предпринимателей. Но и после отмены этого положения режим эксплуатации шахт области значительно отличался от существовавшего в Екатеринославской губернии³⁴.

Различия особенно касались местного налогообложения, которое было отдано на откуп консервативным земствам, постоянно конфликтовавшим с предпринимателями. «По сути, это была борьба между традиционной, укоренившейся землевладельческой элитой Екатеринославской губернии, базировавшейся в северо-западной, преимущественно аграрной части региона, и новой индустриальной элитой, росшей в Донбассе, – пишет Т. Фридгут. – ... Это была только часть такой же борьбы, имевшей место по всей России. Соперничество между земледельческой и индустриальной элитой, в свою очередь, было лишь одной битвой в общей войне, которая велась в российском обществе, – в войне между консерватизмом и реформаторством»³⁵.

В этих словах стоит обратить внимание на географический аспект данной борьбы, на который указал Фридгут, – на соперничество между западной частью огромной Екатеринославской губернии и ее восточной частью, которая находила больше общих интересов с промышленными районами Харьковской губернии и Области Войска Донского. Практически с самого начала своего существования съезды горнопромышленников активным образом добились административной реформы Российской империи или хотя бы тех регионов, в которых был сосредоточен бизнес предпринимателей Юга.

Когда создавались границы губерний Юга (в XVIII в. – Новороссийской, в XIX в. – Екатеринославской и др.), они представляли собой малолюдное, необжитое пространство, все бла-

³² Цит. по: *Friedgut*, 1994, с. 29.

³³ Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, с. 22.

³⁴ См. *McCaffray*, с. 11.

³⁵ *Friedgut*, т. 2, с. 42.

гополучие которого зиждилось на обильных и колоссальных по меркам того времени земельных угодьях. Тогда установление административных границ именно в том виде, в котором они сохранились до 1917 г. (с небольшими изменениями), и тех правил взаимоотношений между элитами – исключительно аграрными, – выглядело вполне логично. Но как это часто бывало в истории России, заостренность правил и неумение подстраиваться под меняющуюся ситуацию привели к серьезным проблемам.

К концу XIX в., по мере бурного развития промышленности (с 1839 по 1890 г. рост добычи угля в регионе составил 465 %!³⁶) и резкого изменения структуры доходов края, порядок распределения благ сохранялся прежним. К примеру, к концу 1890-х гг. доля поступлений в бюджет Бахмутского уезда от шахт и заводов составляла уже 56 %, к чему можно добавить еще 14 % поступлений от соляных шахт. Доля же «аграрных» денег в районе составляла всего 25 %. К 1904 г., в связи с постоянно растущими налогами на бизнес, доля промышленных поступлений дошла уже до 83 %, а доля аграриев упала до минимальных значений – 9,84 %³⁷.

Только заводы и шахты Новороссийского общества, сосредоточенные в основном в Юзовке, уже в конце XIX в. приносили в казну уезда одну пятую часть всех поступлений. А быстро росшая Юзовка десятилетиями не могла добиться от земства, перераспределявшего доходы по уезду, чтобы в поселке была построена простая больница. В 1904 г., к примеру, в расходах Бахмутского земства не замечено ни копейки денег, выделенных на образовательные или медицинские цели промышленной Юзовки. Больница была построена лишь в 1912 г. Для примера: в 1895 г. земство обложило только Новороссийское общество налогом в 1,5 млн рублей в то время, когда весь город Бахмут со всеми земельными владениями и собственностью принес в казну всего 900 тыс.³⁸

Как известно, главные беды России всегда были связаны с дорогами. Не был исключением и промышленный Юг империи. Промышленники, кровно заинтересованные в соединении их шахт и заводов дорогами, на протяжении нескольких лет безуспешно убеждали земства в необходимости выделения общественных земель на эти нужды. Проблема усугублялась тем, что, как уже было сказано выше, ряд фабрик и шахт имели свои подразделения в различных уездах и даже губерниях, а потому долгие переговоры нужно было вести с властями разных административных образований.

Еще один известный донбасский предприниматель, Алексей Алчевский, в честь которого теперь назван Алчевск в Луганской области, в 1896 г. открыто заявлял, что районные власти обслуживают исключительно интересы помещиков и аграрного сектора, а промышленники исключены из процесса принятия решений³⁹.

Теодор Фридгут приводит красноречивый пример того, как земства демонстративно пренебрегали вопросами промышленного развития края: «В справочниках Екатеринославского губернского земства с 1903 по 1905 г. фактически только одна заметка была посвящена индустриальной теме – в еженедельном листке были помещены цены на Харьковской бирже угля и железа. “Народная газета Бахмутского земства” в 1914–1915 гг. с энтузиазмом рассказывала о сельскохозяйственном развитии, но вообще не содержала новостей о шахтах и фабриках»⁴⁰.

Представители ССГЮР находили этому простое объяснение. По их словам, в 1904 г., к примеру, Бахмутское земство состояло из 20 помещиков, 10 крестьян и только 6 представителей второй курии – собственно, городской (промышленники и интеллигенция). В Славя-

³⁶ McCaffray, с. 25.

³⁷ Friedgut, т. 2, с. 45, 47.

³⁸ Там же, с. 45, 49.

³⁹ Friedgut, т. 2, с. 44.

⁴⁰ Там же, с. 47–48.

носербские места в земстве распределились между 17 помещиками, 9 крестьянами и 4 горожанами⁴¹.

В итоге, многие поселения Донбасса были предоставлены сами себе и вынуждены были задолго до появления Донецко-Криворожской республики творить свои неформальные «автономии». Так, российский юрист Генрих Слиозберг (Слезберг), долго занимавшийся защитой прав евреев Екатеринославской губернии, так писал о Юзовке конца XIX в.: «Общий закон о городском благоустройстве, о чистоте улиц, об освещении и замощении, о санитарном положении – все это заменялось своего рода обязательными постановлениями управления поселком, без всякого участия властей». Сам автор этих слов не выяснял причины возникновения подобной ситуации, но если учесть то, как финансировалась Юзовка властями, можно понять: у жителей Юзовки и у руководства Новороссийского общества, по большому счету, не оставалось иного выхода. «Юзовка была самостоятельным княжеством, – продолжает Слиозберг, – где общероссийские законы применялись лишь в тех случаях, когда нужно было выйти с какими-нибудь правовыми отношениями за пределы поселка или местечка»⁴².

И такая картина наблюдалась в большинстве земств не только Юга, но и почти всей России. Известный публицист времен революции Иван Солоневич отмечал: «Культурно и экономически предвоенная Россия росла невероятными темпами (это особенно относится к промышленному Югу России. – *Авт.*). Но “трагические противоречия” – оставались». И к главным «противоречиям» Солоневич относил наличие «совершенно архаического административного аппарата» при наличии столь бурного развития экономики⁴³. На Юге к общим для всей России проблемам добавлялась и еще одна, очень специфическая: наличие официальной «черты оседлости» – границы, за которую нельзя было селиться людям иудейского вероисповедания. Сохранение этой архаичной нормы вплоть до 1917 г. (а была она введена еще при Екатерине II, в 1791 г.) по мере заселения и развития Донбасса создавало дополнительные трудности для жителей и работодателей этого региона. Как писал Солженицын: «Черта уже не имела практического значения, провалилась и экономическая, и политическая ее цели. Зато она напичкала евреев горечью противоправительственных чувств, много поддавая пламени к общественному расколу, – и ставила клеймо на российское правительство в глазах Запада»⁴⁴.

Согласно переписи 1897 г., в Российской империи проживало 5,2 млн лиц иудейского вероисповедания (евреи, принявшие православие, не учитывались), 15 % из которых поселились в южных губерниях России (Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабии). По подсчетам первого председателя Всероссийского Совета Народного Хозяйства Валериана Оболенского-Осинского (кстати, принимавшего участие в создании Донецко-Криворожской республики), в городах и поселках Юга евреи в среднем составляли 30–40 % населения⁴⁵.

Из диаграмм, составленных Д. Корниловым по данным первого тома книги «Юзовка и революция» Т. Фридгута, видно, как стремительно росло еврейское население Юзовки вплоть до «холерных погромов» 1892 г. К этому периоду их доля достигала уже почти трети. Евреи приезжали в Юзовку и другие города Екатеринославской губернии в поисках лучшей жизни и оседали там, поскольку дальше им было нельзя – по реке Кальмиус проходила та самая пресловутая «черта оседлости». К 1917 г. в Юзовке проживало 9934 еврея (для сравнения: жителей, причислявших себя к малороссам, проживало 7086 человек)⁴⁶.

⁴¹ Там же, с. 46.

⁴² Слиозберг, с. 135.

⁴³ Солоневич, с. 345.

⁴⁴ См. Солженицын, Двести лет вместе.

⁴⁵ Оболенский-Осинский, с. 45–47.

⁴⁶ Корнилов Д., Кто жил в Юзовке?

Похожая картина наблюдалась практически во всех промышленных городах Юга, относящихся к Екатеринославской губернии – дело в том, что евреям довольно долго разрешено было селиться лишь в городах и «местечках» – Оболенский-Осинский называл этот процесс «насилованной урбанизацией». Можно себе представить шок жителей и работодателей Юзовки, к примеру, когда результатом вой ны с земствами стало решение губернских властей о том, что данный поселок... не является «местечком». Данное, казалось бы, сугубо бюрократическое решение привело к тому, что почти все местные евреи (то есть треть населения поселка!) подлежали немедленной высылке из Юзовки. «Юзовское бедствие было угрожающим», – вспоминает юрист Слиозберг. Только вмешательство российского Сената остановило процесс, который больно бил по развитию экономики Донбасса. Сенат решил, что Юзовка «по характеру своему является городским поселением», что было выходом из ситуации для всех ⁴⁷.

Однако этот разовый случай не решал этнические и демографические проблемы региона в целом. Некоторые города евреи были вынуждены покинуть – например, в 1899 г. они были изгнаны из Ростова-на-Дону и Таганрога⁴⁸.

А ведь среди преимущественно русских предпринимателей, создававших угольный бизнес на Юге, было немало и евреев по происхождению – к примеру, Исаак и Абрам Уманские, А. Шеерман и др.⁴⁹ И хотя для бизнесменов ограничений на передвижение и за «чертой оседлости» официально не существовало, бытовые проблемы (в частности, связанные с родственниками и наемными работниками) не могли не отразиться на них.

Постоянный рост промышленного производства, открытие новых рудников и заводов порождали неминуемую нехватку рабочей силы в индустриальных регионах. И хотя основную массу рабочих Донбасса составляли этнические русские, работодатели (особенно европейские), лишённые каких бы то ни было предрассудков, с удовольствием нанимали и малороссов, и евреев, и даже китайцев на свои предприятия – то ли в качестве рабочих, то ли в качестве конторских служащих. А как уже было сказано выше, иногда одно и то же предприятие имело свои цеха и структуры и в пределах Екатеринославской губернии, и в Области Войска Донского (особенно ярко это проявилось в Юзовке и Макеевке, ныне давно сросшихся). В этом случае «черта оседлости» создавала дополнительные трудности как для работодателей, так и для наемной силы.

Конечно, как отмечал в своих записках маркиз А. де Кюстин, «в России суровость законов компенсируется их неисполнением». Поэтому евреи правдами и неправдами проникали и за «черту оседлости», пользуясь и исключениями в правилах, и взятками. По данным Оболенского, в 1897 г. 6% евреев Российской империи жили за пределами «черты оседлости»⁵⁰. К примеру, нарком Донецко-Криворожской республики Моисей Рухимович родился в 1889 г. в еврейской семье в слободе Кагальник Области Войска Донского, где надзор за соблюдением правил относительно поселения евреев был особенно строгим.

Излишней крайностью было бы утверждать, что лишь наличие «черты оседлости» привело к революции (а есть и такие утверждения: «Существует такая точка зрения, что, если бы в ходе реформ 1861–1863 гг. была разрушена черта оседлости, все в нашей истории пошло бы по-другому... отмени Александр II черту оседлости – и не было бы Бунда или троцкизма!»⁵¹). Однако в любом случае наличие этих ограничений было сдерживающим фактором для работодателей и серьезно сдерживало свободное развитие промышленности.

⁴⁷ Оболенский-Осинский, с. 49, Слиозберг, с. 136–137.

⁴⁸ McCaffray, с. 10.

⁴⁹ McCaffray, 1996, с. 20–21

⁵⁰ Оболенский-Осинский, с. 46.

⁵¹ См. Солженицын, Двести лет вместе.

Именно поэтому на протяжении всех лет своего существования ССГЮР требовал административных реформ, в том числе административно-территориальных. В своих рекомендациях правительству (порой составленных довольно жестко) горнопромышленники постепенно переходили от чисто экономических требований к политическим. Совет съездов добивался расширения представительства в органах местной власти и перераспределения функций земств. Постепенно к 1917 г. промышленники довольно четко сформулировали ставший вскоре расхожим тезис о необходимости объединения промышленного Донбасса в одну административную единицу. Даже современные украинские исследователи вынуждены признать, что в 1917 г. инициатива о взятии полноты власти в масштабах именно Донецко-Криворожского бассейна принадлежала именно буржуазии, а не пролетариату или «отдельно взятому» Артему⁵². Как мы увидим ниже, этот тезис, фразы об «экономической неделимости» бассейна постепенно завладели массами и стали использоваться и левыми, и правыми.

Однако власти постоянно тянули с реформами. «Реакция власти была прохладной, несмотря на то, что она перестала полностью отвергать апелляции ассоциации, – пишет Фридгут. – ...Она отрицала необходимость любого радикального структурного реформирования... Пять лет апелляций фактически не принесли никакого результата»⁵³. Значительную лепту в усиление роли Совета съездов горнопромышленников Юга России и в развитие экономики Донбасса внес еще один харьковец, преемник Авдакова – Николай Федорович фон Дитмар. В 1893 г., когда он впервые возник в списках участников съезда ССГЮР, Дитмар числился еще даже не владельцем бизнеса, а горным инженером, без организационной привязки. Фридгут его характеризует следующим образом: «Хотя его манера речи обозначала его как сильную личность и язвительного аналитика, нельзя сказать, что фон Дитмар вел организацию к институализации новой политики. Он был образцовым лидером, поддерживающим консенсус, улавливающим дух собрания и решительно продвигая свою точку зрения властям»⁵⁴. Авдаков, не оставляя неформальное лидерство в ССГЮР, в 1906 г. сосредоточился на работе в Петербурге, передав оргработу в Совете своему земляку фон Дитмару. И именно тому удалось сделать ССГЮР структурой не только влиятельного экономического, но и политического лобби.

В своих речах он постоянно подчеркивал свой русский патриотизм. Вообще, предприниматели Юга России, вне зависимости от их этнической принадлежности, всегда были «демонстративно российскими». Вместе с тем Сюзан Маккаффри пишет: «Южные инженеры-менеджеры всегда гордились тем, что в этническом происхождении они были гораздо менее однородны, чем другие. Отдаленные от финансовых и политических центров, южане развивали глубокое региональное самосознание... Конечно же, Южная Ассоциация была лояльной и патриотичной»⁵⁵.

ФОН ДИТМАР НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ

Родился 10 (22) мая 1865 г. в Санкт-Петербурге. Немец православного вероисповедания, из Эзельской ветви дворянского рода Дитмаров. Политические взгляды – октябрист.

По специальности – горный инженер. В 1893 г. начал свое дело в Харькове, создав мастерскую для изготовления буровых инструментов (ныне – Харьковский машиностроительный завод «Свет Шахтера»). С 1893 г. активно работал с ССГЮР, формально возглавив его в 1905 г.

25 октября 1907 г. избран членом Госсвета Российской империи. К 1917 г. практически все важнейшие решения государственной власти в

⁵² Поплавський, Дисертація, с. 70.

⁵³ Friedgut, т. 2, с. 46–47.

⁵⁴ Friedgut, т. 2, с. 33.

⁵⁵ Friedgut, т. 1, с. 330, McCaffray, 1996, с. XVI.

области экономики решались исключительно при участии фон Дитмара. Был блестящим оратором и организатором. Троцкий называл его «вождем тяжелой промышленности России».

Активный участник антибольшевистского движения после 1917 г. Пытался организовать диалог между Деникиным и Скоропадским. В 1919 г. возглавил Комитет крупной буржуазии Донбасса в Ростове-на-Дону по содействию армии генерала Деникина.

Умер от брюшного тифа 18 июля 1919 г. в Харькове.

Газета «Южный край» сообщала об общественной инициативе соорудить в память о фон Дитмаре музей угольной промышленности в Харькове. Инициатива не была реализована. Ныне в память о фон Дитмаре нет даже мемориальной доски.

Многие члены Совета и вообще донецкие инженеры и служащие состояли в партии октябристов, а некоторые – даже в черносотенном «Союзе русского народа». Фон Дитмар убедил своих коллег поддержать октябрьский манифест 1905 г. и призвать правительство к «радикальным реформам». А после начала первой мировой войны русский патриотизм фон Дитмара, явно испытывавшего комплекс в связи со своими немецкими корнями, стал особенно демонстративным.

В 1917 г. фон Дитмар приложил немало усилий для реализации идеи административного объединения Донецкого бассейна. Еще в марте, сразу после февральской революции, Совет горнопромышленников высказался за образование в Харькове особого комитета для управления промышленностью края. В июле при участии Дитмара был созван Учредительный областной съезд снабжения Донбасса, главной целью которого было создание единого координирующего органа управления экономикой Юга России. В сентябре Дитмар произнес свою пророческую фразу: «У нас нет правительства, нет правителя и, если дело пойдет так дальше, мы можем остаться без государства»⁵⁶.

Что же касается отношения фон Дитмара и тех кругов, которые он представлял, к вопросу административного выделения Донбасса, то оно четко было выражено в докладной записке Временному правительству от 1 августа 1917 г. Дитмар с экономической и политической точки зрения обосновывал пагубность планов включения Криворожского и Донецкого бассейнов в состав активно дебатировавшейся тогда украинской автономии.

«По имеющимся сведениям относительно переговоров Временного Правительства с представителями Киевской Центральной Рады, видно, что Харьковская, Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии включаются делегатами означенной рады в район ей подчиненный, – писал Дитмар правительству России. – Необходимо отметить, что в этих четырех губерниях (и кроме того в части Области Войска Донского) заключается весь Донецкий каменноугольный и Криворожский железорудный бассейн и все металлургические заводы юга России. Вся эта горная и горнозаводская промышленность составляет вовсе не местное краевое, а общее государственное достояние и ввиду колоссального значения этой промышленности для самого бытия России, конечно, не может быть речи о том, чтобы вся эта промышленность и эта область могла находиться в обладании кого-либо другого, кроме всего народа, и быть в подчинении какой-либо власти, кроме власти всего народа – власти государства. Не может государство и его орган – Правительство – созданную вековыми усилиями и средствами всего народа и самого государства южную горную и горнозаводскую промышленность – основу экономического развития и военной мощи государства и все вековые труды на заселение и процветание прежде пустынного края – взять у всего народа и передать провинциальной автономии и может быть даже федерации, основанной на резко выраженном национальном признаке».

⁵⁶ Цит. по: *Friedgut*, т. 2, с. 280.

Из этого письма мы видим, что уже в середине 1917 г. административная принадлежность Донецко-Криворожского бассейна (о государственном обособлении Украины от России тогда никто не говорил – даже Центральная Рада) стала темой серьезных споров. Письмо Дитмара свидетельствует, что в этих спорах, по сути, боролись два разных подхода к административно-территориальному устройству Российского государства – национальный и экономический. В дальнейшем эта тема станет ключевой для определения будущего Донецко-Криворожской республики.

«Надо считать возможным и необходимым вне всяких национальных автономий известную децентрализацию власти и управления, – писал Временному правительству Н. Дитмар, – но и с этой точки зрения – органы такой местной власти и управления должны быть в Харьковском районе и не могут быть перенесены из Харьковского района в Киевский, ибо одинаково этот перенос мог бы быть сделан, например, в Царицынский или Кавказский район, и с гораздо большим успехом в Москву».

Дитмар, выражая мнение предпринимательских кругов Юга России, не видел ничего общего у промышленных регионов Донкривбасса с Центральной Украиной: «Весь этот район как в промышленном отношении, так и в географическом и бытовом представляется совершенно отличным от Киевского. Весь этот район имеет свое совершенно самостоятельное первостепенное значение для России, живет самостоятельной жизнью и административное подчинение Харьковского района Киевскому району решительно ничем не вызывается, а наоборот, как совершенно не отвечающее жизни, такое искусственное подчинение только осложнит и затруднит всю жизнь района, тем более, что это подчинение диктуется вопросами не целесообразности и государственными требованиями, а исключительно национальными притязаниями руководителей украинского движения». При этом Дитмар указывает на слабость позиций украинских автономистов относительно принадлежности Кривдонбасса и с точки зрения национальных позиций. Так, он утверждает, что по переписи населения 1907 г. из 200 тыс. жителей Харькова этнических украинцев в городе насчитывалось до 50 тыс. человек, предполагая, что к 1917 г., когда население города выросло до 350–400 тыс., этот процент еще уменьшился. В подтверждение своих доводов он ссылается на результаты состоявшихся накануне выборов в городскую Думу, в результате которых «по украинским спискам на 116 мест прошло всего 4 человека».

«Если все-таки в вышеуказанных губерниях Харьковского района, – продолжает Дитмар, – имеется украинское – сельское население и это может еще служить некоторым оправданием притязаний на автономию, – то многие районы и уезды и города и этим не отличаются, ибо там украинцев нет и никогда они вообще к Украине не сопричислялись. Как промышленность и торговля, так и города, и крупные центры созданы не украинской деятельностью, а общероссийской и все крупные города носят общерусский характер... И вот теперь все-таки предлагается приобщение Харькова к Украинскому Киевскому Управлению, принимаются меры к его принудительной украинизации путем школ городских и сельских, что уже вызывает протесты родителей».

Подводя итог, Дитмар в своем донесении пишет: «Поэтому, не касаясь Киевского района, могу сказать, что весь Харьковский район в составе губерний Харьковской, Екатеринославской, Таврической и части Херсонской должен быть совсем исключен ввиду его государственного значения из района предполагаемой автономии украинской, ибо нельзя производить опаснейших экспериментов в области, которая никогда ни под каким видом не подлежит какому-либо отчуждению как важнейшая часть государственного организма»⁵⁷. Стоит обратить внимание на то, что указанные «капиталистом» Дитмаром границы фактически и стали границами будущей Донецко-Криворожской республики, провозглашенной представителями левых

⁵⁷ Український національно-визвольний рух, с. 593–595.

политических сил в 1918 г. А многие его экономические обоснования были повторены в качестве обоснований для выделения этого государственного образования.

Так что называть ДКР «детищем Артема» и считать ее появление итогом исключительно деятельности большевиков было бы не совсем верно. Идеи обособления, административного выделения этого региона были реакцией на несовершенство административно-территориальной системы России, укоренившейся задолго до революции. Но главная причина появления подобных заявлений в 1917 г. четко обозначена в докладной записке фон Дитмара: усиливавшиеся тогда автономистские настроения в Киеве и попытки зачислить в состав будущей «автономной» Украины промышленные регионы, не видевшие своего будущего в составе этой автономии. Это было не мнение большевиков, это было мнение крупных бизнесменов. Но как мы увидим ниже, в этом мнении сходились жители промышленных регионов Юга России, представлявшие различные слои населения вне зависимости от их политических воззрений. Вскоре те же самые аргументы начали выдвигать и большевики, умевшие подхватывать популярные идеи и реализовывать их порой самыми радикальными методами.

Данные идеи находили благодатную почву в Донбассе, который в годы своего бурного развития постепенно привык к фактической автономии. Слиозберг по этому поводу писал: «Там оседали торговцы, возникали промышленные заведения, и все это управлялось неизвестно кем, кроме ближайшего урядника и вообще сельских властей, которые не имели никаких директив и никаких указаний в законе, как им управлять чисто городским населением, вновь появившимся на территории, принадлежащей их компетенции»⁵⁸. Так создавались предпосылки самоуправления промышленных регионов Юга России. Заметьте, задолго до революции 1917 г.!

⁵⁸ Слиозберг, с. 132.

«Новая Америка»

Переходя к описанию бурных событий, непосредственно предшествовавших образованию Донецко-Криворожской республики, следует понять, что представлял собой этот регион к 1917 г.

Перед началом Первой мировой войны в Донбассе были сконцентрированы 262 тыс. рабочих, преимущественно в угольной и металлургической индустрии. Будучи одним из четырех основных промышленных регионов Российской империи (помимо Петроградского, Московского и Уральского), Донецкий бассейн в начале XX в. развивался наиболее динамично. Как пишет Фридгут, «всем было ясно – и внутри страны, и за рубежом, – что контроль над Донбассом мог бы стать ключом к судьбе империи»⁵⁹. А современник тех событий Николай Скрыпник был еще более глобален в своих оценках значения региона: «Донецкий бассейн сейчас – мировой узел, ибо от него зависит судьба русской революции, судьба революции мировой»⁶⁰. Не больше и не меньше!

Один современный украинский сайт, описывая «модную» ныне битву у Крут в январе 1918 г., написал о том, что среди шедших на Киев большевиков были «нанятые Москвой рабочие Донбасса» (почему, интересно, Москвой, если до марта 1918 г. столица России находилась в Петро граде?). Богатое воображение автора нарисовало следующую картину: «Им хотелось легкой добычи, сытой киевской доступности, а при абсолютной аполитичности и самоуверенности местной публики все эти блага земные находились в одном шаге от станции Круты. Нужно было только прийти и забрать. Никто ведь не сопротивлялся»⁶¹. Автор, экстраполируя те события на нынешнюю политическую ситуацию и путая все столицы, видимо, так и представлял себе обстановку 1918-го: огромный город Киев, на который шли голодные, нищие шахтеры и металлурги из забытых богом Харькова или Юзовки, мечтавшие пограбить и наесться досыта. Одна беда – Киев тогда не был столицей в глазах тех, кто наступал на нее. Это был признанный духовный, исторический центр, место паломничества православных. Однако на фоне бурного развития Петрограда, Одессы или Харькова тогдашний Киев выглядел большим тихим провинциальным болотом – во всяком случае, вплоть до 1918 г., когда в оккупированный немцами Киев ринулись волны эмиграции из Москвы и Питера.

Достаточно вспомнить красочное описание дореволюционного Киева, данное свидетелем тех событий Михаилом Булгаковым: «В белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты, Днепр, Кре-щатик, солнечные улицы летом, а зимой не холодный, не жесткий, крупный ласковый снег... Киевляне – тихие, медленные и без всякой американизации. Но американской складки людей любят». А ведь с легкой руки Александра Блока в те годы именно за Донбассом закрепился термин «Новой Америки», «Русской Америки» и даже «Русской Калифорнии»⁶².

Черный уголь – подземный мессия,
Черный уголь – здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!
Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...

⁵⁹ *Friedgut*, т. 2, с. 207–208.

⁶⁰ Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

⁶¹ Помни Героев Крут – останови вражескую орду Януковича // Рупор (<http://rupor.info/glavnoe/2010/01/29/pomni-geroev-krut-ostanovi-vrazheskuju-ordu-januko/>)

⁶² См. *Слиозберг*, с. 135.

То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

*Александр Блок,
«Новая Америка»*

Этот термин закрепился за промышленными регионами Донецкого и Криворожского бассейнов надолго. Даже в октябре 1941 г. немецкая газета «Дойче Нахрихтенблатт», описывая Восток советской Украины, сообщала: «Харьков управлял шахтами и заводами Донбасса. Советы сделали Харьков городом большевистского американизма»⁶³.

Донецкий бассейн и окрестные промышленные районы были наиболее динамично развивающимися в годы, которые предшествовали революции. Биограф Никиты Хрущева так описывал переезд будущего советского вождя из курской деревушки в Донбасс: «275-мильный переезд из Калиновки в Юзовку был шагом в новое столетие. В возрасте 14 лет Хрущев навсегда покинул сельскую, почти средневековую жизнь в русской деревне и въехал в город, который находился в центре российской индустриальной революции»⁶⁴. Если кто-то решит исходя из этих слов, что донбасские поселения (Юзовка тогда даже городом официально не считалась) казались передовыми исключительно по сравнению со среднерусскими деревнями, а не с украинскими, то можно привести мнение Троцкого, который определял развитие украинской жизни до 1917 г. одним словом: «отсталость». И при этом четко отделял это определение от одного региона, который к моменту написания «Истории русской революции» уже официально считался частью УССР: «Несмотря на быстрое промышленное развитие Донецкого и Криворожского бассейна, Украина в целом продолжала идти позади великороссии»⁶⁵.

Говоря об освоении Донбасса и темпах этого освоения, защитник екатеринославских евреев Г. Слиозберг писал: «Такие поселения вырастали прямо как грибы в местностях, где начинали развиваться чисто американским темпом (ну, модно было тогда темпы индустриализации сравнивать с Америкой. – *Авт.*) новые отрасли промышленности, как, например, горная промышленность в Донецком бассейне, в Екатеринославской губернии, в Криворожском районе. Лучшим примером может служить... Юзовка... Местность быстро оживилась и получила характер селения, невиданного до того в России»⁶⁶.

Темпы роста населения в промышленных регионах Юга России зашкаливали все мыслимые показатели. В период с 1897 по 1914 г. Екатеринославская губерния была абсолютным лидером в России по приросту числа жителей – 63,5 % всего за два десятилетия! Для примера, население Киевской губернии в эти же годы выросло на 34,7 %, Петербургской – на 48,5 %, Московской – на 47,3 %⁶⁷.

Как это ни парадоксально звучит, но развитию региона способствовала Первая мировая война. Да-да, когда вся империя трещала по швам и задыхалась от нараставших финансово-экономических проблем, вызванных войной, экономика Юга России и особенно Донбасса резко набирала обороты. Так, меньшевик Цукублин на IV съезде Советов Донецко-Криворожского бассейна (того самого съезда, на котором было провозглашено создание ДКР), заявил, что вся металлургия края была «приспособлена к войне»: «Война представляла для нас чрезвычайно емкий рынок»⁶⁸. Когда прифронтовые губернии начали пустеть ввиду массового оттока беженцев, именно эти же обстоятельства вели к тому, что промышленные районы Юга,

⁶³ Цит. по: Горчаков, Внимание: чудо-мина!

⁶⁴ *Tompson*, с. 5–6.

⁶⁵ См.: Троцкий, История русской революции, т. 2// Враг капитала (<http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/2-G.html>)

⁶⁶ Слиозберг, с. 135.

⁶⁷ Рашин, с. 44–45.

⁶⁸ Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

ставшие оплотом всего военно-промышленного комплекса России, начали еще быстрее расти – и в экономическом смысле, и в демографическом. Особенно это сказалось на Харькове, куда начали стекаться люди и даже целые предприятия из Западной России. Если еще в 1861 г. население этого города насчитывало 50 тыс. человек, то в 1917 г. там обитало уже 382 тыс. (см. таблицу). То есть рост населения чуть больше чем за полвека составил более 600 %! К 1915 г. Харьков был восьмым городом империи по числу жителей. Значительную долю роста обеспечили беженцы, спасавшиеся в Харькове от войны. В 1917 г. их официально числилось около 50 тыс. человек. Причем немалая часть из них были беженцами из Галиции, на что стоит обратить особое внимание – в дальнейшем это обстоятельство сыграет значительную роль в украинизации Харькова и прилегавших территорий⁶⁹.

В 1917 г. приезжие приняли самое живое участие в политической жизни региона. Особенно значительным было влияние рабочих эвакуированного туда в 1915 г. из прифронтовой Риги крупного предприятия «Всеобщей электрической компании» (ВЭК, или ВКЭ) – ныне Харьковский электромеханический завод.

Одновременно в Харьков был переведен из Варшавы крупный машиностроительный завод «Герлях и Пульст». За ними потянулась вереница более мелких фирм из Польши и Прибалтики, которые свое «западное» происхождение даже использовали для рекламы. Вот характерное для Харькова 1914–1917 гг. объявление: «“М. Буцлер и Ко” – латышское предприятие, эвакуированное из Риги, – фабрика фотографических пластин и принадлежностей»⁷⁰.

Только с переездом ВЭК (всего понадобилось 1470 вагонов, чтобы перевезти все имущество промышленного гиганта тех времен) Харьков пополнился тремя тысячами прибалтийских рабочих разных национальностей (для сравнения – всего-то за десяток лет до этого в Харькове в общей сложности насчитывалось 16,7 тыс. пролетариев⁷¹). Латышские рабочие ВЭК сыграли колоссальную роль в большевизации Харькова, а сам эвакуированный завод стал базой для социалистической пропаганды в крае.

Туда же, в Харьков и Донбасс, с началом Первой мировой войны эшелонами свозились военнопленные всех национальностей – немцы, чехи, словаки, галичане, венгры. Ввиду нехватки рабочих рук, вызванной массовой эвакуацией на фронт, военнопленные активно использовались на различных предприятиях, вращались в быт и общественную жизнь края. По данным Антонова-Овсеенко, на шахтах Донбасса к началу гражданской войны работали

⁶⁹ Мачулин, с. 13; Багалей, Миллер, т. 2, с. 114–180.

⁷⁰ Весь Харьков, с. 152.

⁷¹ Плотицер, с. 17.

51 тыс. австро-германских военнопленных, на сельхозработах в крае было задействовано до 38 тыс., в иных отраслях и на пунктах размещения находилось до 13 тыс. пленных⁷².

К 1917 г. Донецкий и Криворожский бассейны, и до войны считавшиеся «русской Америкой», вбирающей в себя людей всех культур и национальностей, стали еще более интернациональными и космополитическими. Поляки организовали в Харькове при римско-католическом соборе на улице Гоголя, 4, собрание «Польский дом» (затем назывался польским клубом «Проминь»), а сразу после февральской революции начали издавать свою газету «Jednosc Robotnicza». В городе функционировало множество польских организаций и несколько политических партий.

После революции латыши, прописавшиеся в Харькове, также стали издавать свои листовки на родном языке, в местных газетах появилась реклама на латышском. В дни функционирования Донецко-Криворожской республики латышские рабочие организации Харькова проявили значительную активность по формированию красных отрядов. Между двумя революциями 1917 г. немецкие военнопленные, находившиеся в Харькове, создали целый ряд своих организационных структур, включая Немецкий центр при местном комитете РСДРП(б). Тот еженедельно устраивал агитационные собрания немецких пленных (в какой еще стране мира такое можно было представить!) на Конной площади в Харькове – ныне площадь Восстания⁷³.

В Донецкий бассейн стекались представители различных национальностей, создававших невероятное смешение народов и племен. В 1917 г. никого не удивляло наличие активно действовавшей в Луганске ячейки армянской партии «Дашнакцутюн» или обилие китайских горняков на шахтах Юзовки. «Донбасс был Америкой для бедного человека..., – пишет американка Маккаффри. – Донбасс имел репутацию края возможностей, где смелый сильный человек мог заработать хорошие деньги»⁷⁴.

Причем, вопреки расхожему ныне мнению о поголовной неграмотности рабочего класса, приток рабочих в Харьков и другие промышленные города как раз благоприятно влиял на общий уровень грамотности населения, который был значительно выше среди рабочих Донбасса, чем среди крестьянской массы малороссийских губерний. Согласно переписи 1897 г., уровень грамотности среди рабочих металлургической отрасли России составлял 60,2 %, а среди поколения рабочих младше 40 лет – 90 %⁷⁵. Для сравнения: средний уровень грамотности всего населения Российской империи тогда составлял 21,1 % – в основном в связи с неграмотностью сельского населения державы (общий процент грамотных среди крестьян составлял 17,4 %).

Харьков к началу XX в. был одним из самых грамотных городов России. К примеру, в 1910–1912 гг. уровень грамотности его населения (66,6 %) был фактически равен уровню Петербурга (66,9 %) и превосходил Москву (64 %). Но лишь 25,1 % сельских жителей всей губернии могли похвастаться умением читать. В селах Центральной и Правобережной Украины положение было не лучше⁷⁶. Таким образом, те, кто пытается представить сейчас борьбу Центральной Рады, опиравшейся как раз на сельское население Центра, как борьбу «просвещенного» Киева с «ордами голодных металлургов», которые олицетворяли «темноту и забитость», мягко говоря, путают акценты.

Экономические показатели Донбасса в начале XX в. поражали даже западный мир. Известный американский историк Джон Маккей, посвятивший индустриализации Юга России

⁷² Антонов-Овсеенко, т. 2, с. 46.

⁷³ Большевистские организации, с. 404–405.

⁷⁴ Большевистские организации, с. 426; McCaffray, с. 98.

⁷⁵ Friedgut, т. 2, с. 64.

⁷⁶ См. Рашин, 1956, с. 285–302.

книгу «Пионеры прибыли» (за которую он, кстати, получил приз Американской Исторической Ассоциации), восторженно писал о состоянии металлургии бассейна: «В первом десятилетии двадцатого века домны на Юге России были такими же большими, как в Европе, они были новее и использовали лучшую руду. По этой причине они были вполне конкурентными с европейской продукцией»⁷⁷. О значении Донбасса для судьбы государства более чем красноречиво свидетельствуют следующие цифры: к 1917 г., когда Россия уже фактически потеряла польский уголь, Донецкий бассейн производил 87 % угля всей России, 70 % чугуна, 57 % стали, более 90 % кокса, более 60 % соды и ртути⁷⁸. Причем, с каждым годом войны значение края для страны увеличивалось – особенно после потери Россией польских шахт, которые снабжали в первую очередь промышленные предприятия Петрограда. Но, как и повсюду в России, увеличивался и уровень социального напряжения. Приезд тысяч рабочих, зараженных социалистическими идеями, обернулся значительным ростом политизации региона.

⁷⁷ *McCaу*, с. 135.

⁷⁸ *Куромія*, с. 31.

Аполитичный, патриотичный русский край

Если университетский Харьков всегда отличался вольнодумством, то рабочие регионы Юга России длительное время проявляли полную аполитичность. В 1890 г. под секретным надзором полиции пребывало всего лишь 82 постоянных жителя огромной Екатеринославской губернии, отнесенные к разряду «неблагонадежных»⁷⁹.

«Донбасс отвергал любые политические группировки. Политическую атмосферу Донбасса считали отравляющей и опасной все партии», – пишет Куромия. Экстраполируя свои выводы на всю историю этого региона, включая и нынешние времена, американско-японский исследователь добавляет: «Донбасс всегда был “выходом”, спасением, альтернативой политическому конформизму или протестам»⁸⁰. Может быть, этот вывод кому-то сегодня покажется спорным. Но если все-таки принять его, то в этих словах можно найти объяснение и аполитичности Донбасса вплоть до революционных событий 1905–1917 гг., и действиям политических лидеров региона в январе 1918 г., в момент провозглашения Донецко-Криворожской республики. Однако об этом позже...

Упоминания о какой-то деятельности социалистических организаций в пролетарском Донбассе появляются в 1899 г., когда в Юзовке были замечены листовки и брошюры РСДРП с пометкой «Донецкий комитет». В 1902 г. появился Донецкий социал-демократический союз горнозаводских рабочих с центром в Ростове-на-Дону. При этом деятельность подобных немногочисленных и невлиятельных организаций была сосредоточена в основном в крупных городах и фактически не распространялась на шахтерские поселения⁸¹.

Революция 1905 г. привела к резкому росту забастовок и рабочих бунтов во всех промышленных регионах России, включая Донецкий бассейн. Однако, по мнению Сюзан Маккаффри, «в целом рабочие Донбасса не бастовали так часто, как их собратья в Санкт-Петербурге, и эти забастовки не были столь политически выраженными»⁸².

После пика революционного движения в 1906 г., когда в общей сложности в забастовках приняло участие до 100 тыс. рабочих Донбасса, каждый год число бастующих неуклонно уменьшалось. В 1909 г. оно уже составляло всего 12 тыс. человек. Очередной всплеск забастовочного движения пришелся на 1912 г. (25 800 участников забастовок) и был вызван ленским расстрелом⁸³. Но если раньше забастовки в основном носили социальный характер, то с этого года наметилась тенденция роста сугубо политических стачек. Данная тенденция сохранилась вплоть до 1917 г.

Как выяснилось позже, в политизации забастовочного движения в России вообще и в Донбассе в частности после 1914 г. определенную роль сыграли и спецслужбы Германии. В меморандуме небезызвестного Александра Парвуса (он же Израиль Гельфанд), составленном в адрес министерства иностранных дел Германии в марте 1915 г., звучали следующие предложения: «Есть возможность организации забастовок в шахтерских районах Донецкого бассейна и, при определенных условиях, на Урале... Политические забастовки можно было бы легко организовать там в среде шахтеров, если будет выделено хотя бы минимальное финансирование»⁸⁴. Стоит заметить, что «план доктора Гельфанда» вызвал большую заинтересованность у немецких спецслужб, а сам Парвус сыграл определенную (по мнению ряда современных историков,

⁷⁹ Friedgut, т. 2, с. 20.

⁸⁰ Куромия, с. 21.

⁸¹ Friedgut, т. 2, с. 116.

⁸² McCaffray, с. 134.

⁸³ Friedgut, т. 2, с. 175.

⁸⁴ Germany and the Revolution, с. 142.

очень значительную) роль в финансировании революционного движения в России. Постепенный рост активности социалистов в рабочих регионах отразился на росте их популярности в Донбассе. В 1906 г. в первую Госдуму России от Екатеринославской губернии, среди прочих, был избран шахтер из Юзовки Митрофан Михайличенко, представлявший меньшевистское крыло РСДРП и примкнувший в Госдуме к группе «трудовиков». Правда, популярность агитатору принесли, в первую очередь, не его пламенные речи, а... юзовские черносотенцы, избившие будущего депутата за год до выборов⁸⁵.

О большевиках же во многих районах Донбасса чаще всего вообще не слыхивали. Во времена Первой мировой войны в Юзовке, к примеру, насчитывался всего десяток членов РСДРП(б). По свидетельству Троцкого, в июле 1917 г. 2 тыс. шахтеров на коленях, с непокрытыми головами, в присутствии 5-тысячной толпы торжественно присягали: «Мы клянемся нашими детьми, Богом, небесами и землей, всем, что нам священо в этом мире, что мы никогда не откажемся от свободы, доставшейся кровью 28 февраля 1917 г.; веря социалистам-революционерам и меньшевикам, мы клянемся, что никогда не будем слушать большевиков-ленинистов, ведущих своей агитацией Россию к разрушению». Как пишет далее сам Троцкий, уже через два месяца, то есть к сентябрю, мнение шахтеров относительно большевиков резко изменилось⁸⁶.

Еще менее популярными, чем большевики, до 1917 г. в Донбассе были украинские партии, как, собственно, и украинская идея в целом. Жители промышленных регионов Юга России считали себя преимущественно русскими и многие из них с удивлением узнали о том, что их земли считаются составной частью Украины, лишь с появлением Универсалов Центральной Рады в 1917 г. (а в некоторых регионах современной Украины об этом не догадывались вплоть до немецкой оккупации 1918 г.).

Фридгут отмечает высокий уровень русского патриотизма среди рабочих Донбасса вплоть до революции. В 1897 г., в день тезоименитства императора, группа рабочих фабрики Джона Юза явилась в дом шефа полиции Рубцева и выразила неудовольствие в связи с тем, что над полицейским управлением не висят государственные флаги, в то время как даже над самыми бедными домами Юзовки жители вывесили российские знамена в честь праздника. Metallурги пообещали нажаловаться на полицейских высшим властям. Когда в остальных регионах России пролетарии устраивали акции протеста против военного призыва рабочих, в Юзовке, наоборот, собирались массовые митинги в поддержку «войны до победного конца», а скромная попытка нескольких большевиков и меньшевиков устроить подобие оппозиционной акции завершилась их изгнанием, совершенным самими горожанами. По мнению Фридгута, это объяснялось тем, что «патриотические чувства имели сильные корни среди населения Юзовки»⁸⁷.

Подобная же картина наблюдалась вплоть до Февральской революции. Когда большевик Острогорский в Щербиновке (ныне – Дзержинск) 2 марта 1917 г. попытался публично выступить против войны, местные работяги обозвали его «германским шпионом» и добились его ареста. Примерно в эти же дни в Харцызске большевик Вишняков попробовал выступить на патриотическом митинге меньшевиков, украшенном религиозными хоругвями и красными знаменами, но его речь не вызвала никакого сочувствия у публики⁸⁸.

В отличие от современных творцов нового украинского исторического мифа, практически все независимые исследователи сходятся в том, что жители регионов, составляющих ныне Восточную Украину, в своем большинстве к «украинской идее» относились совершенно равнодушно. Израильско-американский исследователь Теодор Фридгут пишет: «Ни в одном

⁸⁵ Государственная Дума, с. 378–379.

⁸⁶ *Friedgut*, т. 2, с. 224; *Trotsky*, с. 287–288.

⁸⁷ *Friedgut*, т. 2, с. 64–65, 216.

⁸⁸ *Friedgut*, т. 2, с. 234–235.

источнике, сообщавшем о трудовых организациях и революционных группах в Донбассе, нет упоминания о деятельности какой бы то ни было украинской партии на шахтах или фабриках. Были украинские группы в Харькове и, кроме того, Донецкий союз горнозаводских рабочих имел некоторые контакты со “Спилкой”. Проявлялась также некая деятельность в некоторых деревнях региона, где циркулировала и обсуждалась “малороссийская” литература. Только в 1917 г. украинские партии добились кое-какого представительства на выборах в районные земства. Но даже тогда они не добились присутствия в шахтных и заводских Советах Донбасса»⁸⁹.

С этим выводом согласен и Гироаки Куромия: «Массовое украинское националистическое движение, кажется, обошло Донбасс... Крестьянское стремление к земле и свободе было сильнее, чем призыв украинского национализма, этого творения интеллигенции»⁹⁰.

Такие же выводы относятся не только к рабочим районам Донбасса, но и к Харькову, который сами теоретики «украинской идеи» считали одним из своих центров. Даже современные украинские «государственники» вынуждены признать: «Документы... бесстрастно утверждают, что Харьков к началу марта 1917 г. был весьма далек от украинского национально-освободительного движения»⁹¹.

Вплоть до 1917 г. украинцами не считали себя не только жители городов, но и деревень Юга России. «Если бы кто-то сказал крестьянину из Харькова или Полтавы, что он является “украинцем”, тот очень сильно удивился бы, если не разозлился», – писал граф А. Кутайсов, бывший в свое время губернатором Волыни⁹².

Кстати, современники то же самое писали и о жителях иных регионов Юга России – к примеру, об Одессе: «Я указывал, что прожил всю свою юность на Юге, окончил гимназию и университет в Одессе, которую украинцы считают своею, и никогда не слыхал здесь об Украине (знал только Малороссию, которую люблю и к которой и сейчас отношусь, как к родной)... Никогда не видел и тайной литературы об Украине, в то время, как у всех нас, гимназистов и студентов, постоянно были на руках брошюры с. д. и с. р.⁹³, гораздо более рискованного содержания, чем украинский вопрос, ...следовательно, нельзя объяснить отсутствие этой украинской тайной литературы правительственными гонениями на Малороссию»⁹⁴.

К концу XIX в. меньше трети населения Харькова пользовалось малороссийским (украинским) языком – 29,2 %, в то время как русским – 60,3 % жителей города. Что не мешало деятелям украинского общественного движения считать Харьков одним из своих центров – просто в других крупных городах доля украинцев была и того меньше. Даже в Киеве, который в итоге стал политическим центром Украинской Народной Республики, по словам генерала Деникина, хорошо знавшего этот город, к революции насчитывалось всего 9 % населения, которое считало украинский язык своим родным. Так что Харьков на этом фоне был гораздо более «украинским» – особенно на фоне городов и городков Донбасса, где «украинский вопрос» не пользовался ни малейшей поддержкой⁹⁵.

К примеру, когда в июле 1917 г. эмиссары Центральной Рады приехали в Луганск с целью найти там хоть какие-то силы, на которые можно было бы опереться, то встретили более чем холодный прием. А представитель большевиков Юрий Лутовинов категорически выступил против «украинизации», обосновав это тем, что данный вопрос расколол бы пролетариат⁹⁶.

⁸⁹ *Friedgut*, т. 2, с. 124.

⁹⁰ *Куромія*, с. 164.

⁹¹ *Мачулин*, с. 18.

⁹² *Koutaissoff*, с. 13.

⁹³ с. д. – социал-демократы; с. р. – социалисты-революционеры.

⁹⁴ *Маргулис*, с. 197.

⁹⁵ *Плотичер*, с. 19–20; *Деникин*, т. 2, с. 167.

⁹⁶ *Friedgut*, т. 2, с. 347.

Не случайно виднейший идеолог российских меньшевиков Феликс Кон, после Февральской революции осевший в Харькове, писал, что в 1917 г. идея «самостийной» Украины относилась к «мечтам и грезам горсточки мелкобуржуазных украинских идеологов, которым никто не придавал серьезного значения»⁹⁷.

Американская газета «Нью-Йорк таймс», характеризуя украинское движение, ссылаясь на мнение еще одного харьковца, известного российского писателя и публициста Константина (ошибочно он назван в газете Николаем) Тренева: «Когда я нахожусь среди интеллигенции на Украине, я чувствую, что там существует некое культурное движение. Я слышу людей, пытающихся говорить по-украински, доказывающих..., что Украина имеет право на культурную и политическую автономию. Картина меняется, когда я нахожусь на улицах, в публичных местах, среди простых людей. Складывается впечатление, что они интересуются буквально всем в мире, но только не вопросом украинской автономии. Украинское движение – это всего лишь движение среди украинской интеллигенции»⁹⁸.

О том же писали и иностранные наблюдатели. К примеру, французский шпион и дипломат Эмиль Энно, в 1917–1918 гг. развивший бурную деятельность на территории нынешней Украины, писал о «бессмысленности украинского вопроса», объясняя это тем, что «украинская идея совершенно отсутствует во всех классах малорусского населения»⁹⁹.

Мало того, в свои силы и способности к самоорганизации не верили и представители украинских движений, реально оценивавшие общественное мнение. Украинский писатель Гнат Хоткевич, который в течение нескольких месяцев 1917 г. пытался издавать в Харькове свою газету «Рідне слово», понимал, что свободно избранные институции, отражающие мнение большинства населения, не поддержат «украинский вопрос»: «Дурят нас Учредительным Собранием, чтобы мы сидели тихо, а потом покажут нам знак из трех пальцев и скажут – это знак авторитетный, потому что показало нам его само Учредительное Собрание... И что ж нам ждать теперь от того Учредительного? Попадут туда не наши люди – а будут решать нашу судьбу. У нас силу агитации и сознание народа отобрали»¹⁰⁰.

При этом еще раз следует подчеркнуть: если в городах Донбасса историки не обнаруживали даже следов украинского движения, то в Харькове, при его общей индифферентности в отношении «украинского вопроса», находились представители интеллигенции, которые относили себя именно к украинцам. Самым ярким представителем таковых был Дмитрий Багалей. Хоть ныне он и считается одним из основоположников украинской исторической науки и «подвижником украинской мысли», «украинскость» Багалея была особенной и трансформировалась в различные периоды. В 1912 г. украинская пресса (и в частности, харьковская газета «Сніп», издававшаяся Николаем Михновским, о котором пойдет речь ниже) критиковала Багалея как раз за его... «антиукраинскую» деятельность. К таковой отнесли тот факт, что на заседании Госсовета харьковский профессор недостаточно энергично защищал украинский язык от нападок известного черносотенца Дмитрия Пихно. Тот, будучи потомственным малороссом, выступил с категорическим протестом против открытия малороссийских школ. Багалей же заявил, что образование на украинском языке стоило бы позволить лишь в отдаленных хуторах и селах, где совсем не разговаривают по-русски. Данное предложение профессора было расценено украинскими активистами как предательство¹⁰¹.

На самом деле, свой политический авторитет Багалей приобрел не как активист украинских организаций, а как российский кадет! Это в 1917 г. партия кадетов стала символом всего

⁹⁷ Наш Юг, 17 января 1918 г.

⁹⁸ New York times, 17 марта 1918 г.

⁹⁹ Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, с. 11.

¹⁰⁰ Рідне слово, 24 июня 1917 г.

¹⁰¹ Михайлин, с. 300.

самого консервативного и «реакционного», а в 1906 г., когда Багалея стал ректором Харьковского университета и был избран в Госсовет России по списку Императорской Академии наук, принадлежность к этой партии рассматривалась общественностью чуть ли не как революционная, левая деятельность. К началу Первой мировой войны на Слобожанщине сложно было отыскать более популярного общественного деятеля – в 1914 г. кадет Дмитрий Багалея стал городским головой Харькова и пользовался непререкаемым авторитетом.

Всего через три года, в 1917 г., кадетов кто только не оплевывал. Отношение населения к кадетам в те годы точно описано ростовским меньшевиком Поповым: «Кадет – это воплощение всего злого, что может разрушить надежды масс на лучшую жизнь; кадет может помышлять взять в крестьянские руки землю и разделить ее; кадет это злой дух, стоящий на пути всех чаяний и упований народа, а потому с ним нужно бороться, его нужно уничтожить»¹⁰².

Имя одного из самых ярких представителей харьковских кадетов – профессора Багалея – тоже стало нарицательным символом всего злого, «предательства»¹⁰³. На выборах городской Думы, состоявшихся 9 июля 1917 г., победу одержали эсеры, получившие 54 места из 116 (кстати, большевики тогда получили всего 11 мест) – и 26 июля Багалея бесславно уступил свое место эсеру В. Карелину. Очевидец этой сцены вспоминал: «Словно из далекого прошлого доносился глухой голос профессора Д. Багалея, открывшего в качестве городского головы заседание новой Думы... Он, казалось, без сожаления передавал бразды правления в другие руки и, должно быть, думал, что оно и к лучшему в такое суматошливое... время – пусть “они” похозяйничают. Пусть покажут себя “эти” социалисты, на что они способны. Полагаю, что Д. Багалея тогда плохо различал большевиков, меньшевиков, социалистов-революционеров...»¹⁰⁴

Через несколько месяцев так же бесславно прекратила существование и эта Дума, после чего Багалея перестал часто появляться на публике. За период существования в Харькове правительства Донецко-Криворожской республики в 1918 г. профессор старался не выходить за пределы своего дома на улице Технологической, 7. Он появился лишь на одном публичном мероприятии – на собственной, не особо афишируемой лекции по теме «Смена культур на территории русского государства»¹⁰⁵. И лишь с приходом немцев появился на заседании собранной вновь харьковской Думы. Остальные представители украинского движения были маргиналами в Харькове и тем более в Донбассе вплоть до прихода туда немцев. Их попытки создать более или менее массовую организацию или выпустить хоть сколь-нибудь окупаемую газету в этом регионе неизменно проваливались, хотя предпринимались неоднократно.

Первую попытку издать в Харькове газету на украинском языке предпринял упомянутый выше экстремист Николай Михновский, который 31 октября 1904 г. пытался организовать взрыв местного памятника Пушкину, с помпой водруженного в центре города за несколько месяцев до этого. В вину русскому поэту, чтимому харьковцами, вменили тот факт, что на территории Украины на тот момент не было ни одного памятника Тарасу Шевченко. Кроме того, Пушкин должен был ответить за «подло-лживое изображение в своих произведениях фигуры нашего патриота гетмана Ивана Мазепы»¹⁰⁶. Террорист из Михновского вышел никудышный – взрывом были выщерблены четыре камешка из пьедестала и повреждено стоявшее рядом дерево. Харьковцы того поколения даже не заметили сего «теракта» (на тот момент город пережил уже куда более серьезные взрывы и покушения на высокопоставленных лиц), а нынешнее поколение жителей Харькова и по сей день любит памятник Пушкину, пережившим не одно поколение Михновских.

¹⁰² Цит. по: Деникин, т. 2, с. 237.

¹⁰³ Донецкий пролетарий, 9 декабря 1917 г.

¹⁰⁴ Харьков в 1917 году, с. 154.

¹⁰⁵ Донецкий пролетарий, 31 марта 1918 г.

¹⁰⁶ Стромиллюк, с. 15.

Неудавшийся террорист 25 марта 1906 г. выпустил газету «Слобожанщина»¹⁰⁷, которую хватило лишь на один номер! Местная публика читать украинскую прессу не возжелала, а посему эксперимент прекратился на самом старте. Через шесть лет Михновский повторил свою попытку, издав упомянутую выше газету «Сніп», которую позиционировал как «украинское издание для интеллигенции», поскольку на широкую публику уже не рассчитывал. Эту газету, благодаря финансовой поддержке местной меценатки Христины Алчевской (урожденной Журавлевой), в которой вдруг проснулась страсть к украинскому подвижничеству, удалось растянуть на несколько номеров, но на год ее тоже не хватило. 30 декабря 1912 г. в прощальном номере газеты сам Михновский честно пояснил причину ее закрытия: «“Сніп” погибает, смертельно раненный равнодушием наших граждан, а не действиями врагов. Не кары и штрафы, которые обильно сыпались на нас, но равнодушие нашего общества является причиной смерти “Снопа”»¹⁰⁸. Как видно из этого признания, харьковцы были абсолютно равнодушны к «украинскому вопросу», что подтверждается свидетельствами с различных сторон.

И даже в 1917 г., когда публика жаждала новостей, а в Харькове с разной долей успеха издавались десятки газет на разных языках, украиноязычная пресса так и не смогла получить достойную аудиторию. Как ни пытался Гнат Хоткевич раскрутить свое «Рідне слово», но и эта газета смогла выдержать лишь 22 номера, так и не найдя достаточную читательскую аудиторию.

Харьковский исследователь Леонид Мачулин связывает начало организационной работы украинских партий в Харькове с приездом в город представителя Украинского Войскового Генерального Комитета Николая Чеботарева – это произошло лишь 1 мая 1917 г.¹⁰⁹

В Харькове в тот период собирались немногочисленные демонстрации под желто-синими флагами, в некоторых городах Донбасса об «украинском вопросе» вообще не было слышно. В том же апреле в Харькове был собран Первый Украинский съезд Слобожанщины, который, кстати, проходил под желто-голубыми и красными знаменами, поскольку основная масса деятелей «украинства» исповедовала модные в те годы социалистические идеи. На съезде прозвучал протест в связи с включением Харьковской губернии в Московский военный округ. При этом полного единодушия среди слободских украинцев достичь не удалось. В частности, эсер Коряк с одобрения социалистов предупредил собравшихся: «Остерегайтесь, остерегайтесь, остерегайтесь тех, кто зовет вас идти под сине-желтыми тряпками»¹¹⁰.

Однако уже летом 1917 г., с усилением активности Центральной Рады и с ростом общероссийских проблем, связанных с «украинским вопросом», в промышленных регионах Юга России началось беспокойство в связи с заявлениями украинской интеллигенции о принадлежности Донецкого и Криворожского бассейнов будущей автономной Украине. Многие Советы промышленных регионов Слобожанщины и Донбасса восприняли первый Универсал Центральной Рады в штыки. «Известия Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов», к примеру, статью об этом событии поместила под заголовком «Вздорный поступок»¹¹¹.

Универсал был воспринят как демарш, и не более того. Промышленные регионы Юга России не отождествляли себя с Украиной, считая, что та ограничена пределами пяти губерний, лежащих западнее Харьковской и Екатеринославской. При этом в 1917 г. началось постепенное политическое объединение регионов, имевших общие экономические интересы.

¹⁰⁷ Михайлин, с. 239–242.

¹⁰⁸ Михайлин, с. 312.

¹⁰⁹ Мачулин, с. 29.

¹¹⁰ Український національно-визвольний рух, с. 209.

¹¹¹ Український національно-визвольний рух, с. 487–488.

«...и родину народ сам выволок на гноище, как падаль»

*С Россией кончено. На последях
Ее мы прогалдели, проболтали.
Пролузгали, пропили, проплевали.
Замызгали на грязных площадях.
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль...*

Максимилиан Волошин, «Мир»

К тому времени вся Россия была охвачена ежедневно разрастающейся анархией. Импотенция центральной власти породила желание в различных регионах павшей империи каким-то образом отгородиться от бардака, царившего в столице. Разговоры об автономии, федерации, самоуправлении стали всеобщим явлением для России. Не были исключением ни Донецко-Криворожский регион, ни Украина.

Стоит еще раз особо подчеркнуть: требования автономий, республик, невероятных государственных и полугосударственных образований внутри самой России стали звучать повсеместно. События в Харькове, Киеве, Одессе или в Крыму, где создавались свои административные единицы, необходимо рассматривать в этом, общероссийском, контексте. Провозглашение той или иной республики (включая и Украинскую) стало темой всевозможных фельетонов и насмешек. Говоря об «уездном сепаратизме» в 1917–1918 гг., участник Белого движения Я. Александров смачно описывал различные экзотические «республики», созданные помимо Донской, Украинской, Кубанской, Терской или Грузинской: «В безлюдных Задонских степях, среди удивленных верблюдов, кочевало астраханское правительство с атаманом, министрами и прочими атрибутами заправского государства. Кормившееся при помощи бумажных денег Российского Имперского образца, щедро отпечатанных Лейпцигскими типографиями. В калмыцких кочевьях Ротмистр Кн. Тундутов объявил себя калмыцким владыкой... Все это шумело, галдело, заводило свои парламенты и конституции, формировало армии, производило в чины, печатало деньги и требовало все большей и большей независимости»¹¹².

Известный русский писатель, уроженец Киева Марк Алданов был склонен объяснить природу «местного сепаратизма» довольно упрощенно (при этом сам писатель признался, что лично столкнулся лишь с одним видом сепаратизма – «комедией украинской самостийности»). Он объяснил это явление всего лишь «комплексом Алкивиада» – по имени древнегреческого авантюриста, который, узнав, что его дорогой собакой афиняне перестали восторгаться, велел отрубить ей хвост.

Называя создание многочисленных республик на территории Российского государства «сезоном политического фарса», Алданов писал из-за рубежа: «К нам часто приходят вести о кабинетах, совещаниях, конференциях, заседающих в столицах так называемых “чушь-республик”. Иногда Рейтер уныло делает попытку сообщить фамилии главных деятелей этих кабинетов – и всякий раз почему-то кажется, что фамилии ими перевраны: так нам трудно привыкнуть к мысли, что премьерами, президентами, министрами могут быть люди решительно никому на свете неизвестные. А между тем, именно в этой совершенной неизвестности весь *raison d'être*

¹¹² Александров, с. 49.

(смысл существования. – *Авт.*) подобных правительств». «Если бы не было самостоятельности, – поясняет писатель, – то кто бы знал... премьера Голубовича и “генерала” Петлюру?»

В 1922 г. Алданов прогнозировал: «Пройдут года – и конечно многое переменится. Мы узнаем, вероятно (уже есть кое-какие прецеденты), что 99 % сепаратистов были сепаратистами только временно, по дальновидным тактическим соображениям, а в глубине души неизменно держали курс на “единую и неделимую”... Малая история составит в алфавитном порядке список темных людей, бывших министрами, президентами и послами. Это будет с ее точки зрения необходимое и достаточное объяснение всему случившемуся»¹¹³.

Подчеркнем, что все эти красочные описания и оценки касались не только забытых ныне государственных образований, появлявшихся как грибы в России, но и тех, которые ныне изучаются в школах и считаются предтечей той или иной государственности – включая Украину, Грузию или балтийские государства. Хотя, конечно, объяснить появление того или иного административного образования, претендовавшего на звание «республики», всего лишь личными амбициями, было бы недостаточно – это явное упрощение проблемы. Корни все-таки стоит искать не только в мечтаниях Петлюры или Артема стать министрами, не только в природе того или иного региона. Эти корни надо искать в общероссийской столице, откуда расползлся дух анархии, бардака, бесконтрольности и полной неспособности управлять государством.

По мнению генерала Деникина, началось все с развала центральных силовых ведомств, на который (неважно, сознательно или нет) пошло Временное правительство. Он писал: «Министерство внутренних дел – некогда фактически державшее в своих руках самодержавную власть и вызывавшее всеобщую ненависть – ударило в другую крайность: оно по существу самоупразднилось. Функции ведомства фактически перешли в распыленном виде к местным самозванным организациям... Представителей центральной власти на местах не стало»¹¹⁴.

Пока Петроград утопал в словоблудии по поводу судеб Отечества, пока популисты-временщики форматировали и переформатировали правительство с соответствующей приставкой «Временное», на местах постепенно начинали осознавать полную бесконтрольность со стороны государственной столицы. «О провинции никто не заботился, – вспоминал екатеринославский журналист Зиновий Арбатов. – Все эти маленькие уездные Александровски, Павлограды и Бахмуты жили своей отдельной жизнью; как-то по-своему переделывали житейские формы на новый революционный лад; забытые центром, лишённые авторитетной и определенной власти уезды быстро катились к самой страшной анархии. Всякий уезд, каждая волость создавали для себя особые им выгодные законы. Губернская власть, занятая собственными заботами и, в свою очередь, не получавшая никаких указаний из Петрограда, распространяла свои действия и мероприятия только в масштабе губернского города и все видимо катилось к пропасти»¹¹⁵.

Отсутствие власти порождало хаос. Постепенно, с каждым месяцем, хаос нарастал и приводил к росту погромов и беспорядков. Вот как газета «Русские Ведомости» описывала ситуацию на местах к сентябрю 1917 г.: «По всей России разлилась широкая волна беспорядков. Киев, Бахмут, Орел, Тамбов, Козлов, Ташкент, запад и восток, центр и окраины попеременно или одновременно становятся ареной погромов и разного рода беспорядков. В одних местах беспорядки возникают на почве продовольственных затруднений, в других толчок к ним дает разгром солдатской толпой винного склада, в третьих просто никто не в состоянии ответить на вопрос, отчего возникли беспорядки. Город жил, казалось, мирной жизнью, но неожиданно толпа выходит на улицу и начинает разбивать лавки, творить насилия над отдельными лицами, подвергать самосуду представителей администрации, хотя бы эта администра-

¹¹³ Алданов, с. 36–38.

¹¹⁴ Деникин, т. 1, вып. 1, с. 130–131.

¹¹⁵ Арбатов, с. 84.

ция и была выборной... Толпа в худшем смысле этого слова все более выходит на улицу и начинает чувствовать себя господином положения, не признавая над собой никакой власти. Иногда эта толпа выкидывает те или иные большевистские лозунги, но по существу ее нельзя назвать даже большевистской или анархической. Просто толпа как толпа: темная, глубоко невежественная, не признающая ничего, кроме грубо личных интересов»¹¹⁶.

В итоге отчаявшиеся дожидаться помощи от Центра регионы начинали сами искать пути обуздания анархии. Вот как в 1917 г. описывал процесс формирования «независимых республик» на обширной территории Российской империи американский сенатор Уильям Бора: «Абсолютный хаос, который следует за попыткой миллионов людей, лишенных разумного руководства, без должного понимания идей свободы, тщетно предпринять попытки собственными силами установить самоуправление». Влиятельный немецкий журналист Максимилиан Харден писал о России как о «новых Балканах, включающих в себя большие и маленькие Эльзас-Лотарингии»¹¹⁷.

Чаще всего попытки создания тех или иных «республик» (а этот процесс начался с середины 1917 г., то есть за несколько месяцев до провозглашения ДКР) никак не были связаны со стремлением отделить тот или ной регион от России. К примеру, провозглашение «самостоятельного государства» в Области Войска Донского рассматривалось «не в целях сепаратизма, а просто в силу сложившейся общероссийской обстановки впредь до водворения порядка в России»¹¹⁸.

Может быть, это кому-то покажется парадоксальным, но довольно часто провозглашение очередного административного образования с каким-нибудь звучным названием было вызвано как раз стремлением побороть сепаратизм, предотвратить распад единого государства. Как мы увидим ниже, создатели Донецко-Криворожской республики также руководствовались этим стремлением.

Принято считать, что первые шаги по организационному оформлению структур Донецко-Криворожского промышленного региона были предприняты Временным правительством, создавшим 13 марта 1917 г. Временный комитет Донецкого бассейна (он же – Временный Донецкий комитет). Однако не надо забывать, Временное правительство под руководством князя Г. Львова было создано всего за 11 дней до этого и физически не успело бы провести организационную работу по формированию Комитета. На самом деле, подготовительные работы по его созданию были проведены еще царским правительством при поддержке лоббистских структур горнопромышленников Юга России. Министру торговли и промышленности А. Коновалову (лидер Прогрессивной партии) оставалось лишь утвердить решение Особого совещания по топливу и энергетике от 3 марта, то есть принятое буквально на следующий день после формирования Временного правительства. Совещание постановило: «Горная и горнозаводская промышленность Юга России, питающая страну топливом и металлом, требует ныне быстрых и решительных мер... Деятельность Временного комитета распространяется на горные и горнозаводские предприятия в губерниях Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Херсонской и Области Войска Донского». 13 марта это решение было утверждено Временным правительством¹¹⁹.

¹¹⁶ Милоков, т. 1, вып. 3, с. 107–108.

¹¹⁷ New York times, 2 декабря 1917 г. и 21 февраля 1918 г.

¹¹⁸ Добрынин, с. 61.

¹¹⁹ Федоровский, 2000, с. 24; См. также: Волобуев, Экономическая политика Временного правительства.

Донецко-Криворожская область – пока без Украины и без большевиков

Руководителем Комитета был назначен инженер М. Чернышов. Представитель правительства получал право «вето» на любое решение данной структуры. В Комитет вошли три представителя оборонных структур правительства (в том числе депутаты Госдумы), четыре человека представляли ССГЮР, еще четверо были делегированы Советами рабочих депутатов от разных губерний – практически все «рабочие» представители были меньшевиками и эсерами, включая главу «рабочей фракции» Цукублина.

Таким образом, впервые был создан официальный орган, координирующий работу предприятий и организаций в рамках всего промышленного региона, вне зависимости от административных границ губерний и уездов. Очень важно также учесть, что сам Комитет обосновался в Харькове¹²⁰. Фактически это означало, что данный город стал признаваться как некий центр всего региона на уровне центральной российской власти (до этого, напомним, Харьков был фактическим центром работы Съездов горнопромышленников, которые, по-видимому, и повлияли на решение Временного правительства).

Донецкий комитет нельзя рассматривать как орган политической власти. Несмотря на то что он призван был обеспечивать деятельность уполномоченных различных Особых совещаний в Донбассе, в конечном итоге работа Комитета большей частью заключалась в разрешении массы трудовых споров между собственниками и менеджментом предприятий, с одной стороны, и рабочими коллективами и Советами, – с другой. Характеризуя факт появления Донецкого комитета, Фридгут пишет: «Наконец-то центральные власти проявили хоть какую-то инициативу по формированию органа, который был призван интегрировать все слои общества для достижения общего интереса, а не представлять друг друга антагонистами»¹²¹.

В Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины сохранились разрозненные дела Временного комитета Донбасса, находящиеся ныне в довольно плачевном состоянии¹²². Однако до сих пор эти документы, как и деятельность Комитета в целом, не стали предметом серьезного изучения. Известно, что этот орган совместно с горнопромышленниками предпринял уже в марте 1917 г., то есть сразу после создания, попытку примирить интересы предпринимателей, правительства и рабочих. Для этого была созвана совместная с рабочими конференция, на которую были делегированы представители 21 рабочего Совета Донбасса. Она прошла при непосредственном участии членов Временного комитета Донецкого бассейна, депутатов Госдумы Анатолия Добровольского и Ивана Тулякова, только что назначенного петроградским правительством на пост комиссара Харьковской губернии.

Однако все эти попытки ни к чему не привели. Временный комитет был завален обращениями о нерешенных трудовых спорах и жалобами заводчиков по поводу своеволия местных Советов, но реальных механизмов повлиять на ситуацию у него не было. По мере радикализации общества предприниматели постепенно лишались права голоса в любых структурах. Поэтому, судя по статье К. Ворошилова в луганской газете «Донецкий пролетарий», уже в июне 1917 г. представители Временного комитета встречались пролетариями настороженно, а как только речь заходила о необходимости координировать действия рабочих с бизнесменами, воспринимались в штыки. «Для того, чтобы рабочие работали усиленно, необходимо платить им столько, чтобы можно было хоть впроголодь существовать, а это и не входит в компетенцию

¹²⁰ *Friedgut*, т. 2, с. 244.

¹²¹ *Friedgut*, т. 2, с. 244.

¹²² ЦДАВО. Фонд 4317.

представителей Донецкого комитета», – подытожил Ворошилов настроения рабочих, быстро потерявших интерес к официальной правительственной структуре региона¹²³.

Вскоре деятельность Донецкого комитета была сведена на нет, а сам он был распущен в феврале 1918 г. как абсолютно бесполезный орган. Итоги работы этого органа в довольно резкой форме подвела местная пресса: «Комитет не построил ни одной версты подъездных путей, не достал ни фунта керосина для рудников, не представил ни пуда хлеба рабочим, ни одного аршина мануфактуры. Он являлся свидетелем гибели Донецкой промышленности и фиксировал ее в своих входящих и исходящих бумагах. Он одинаково потерял всякий авторитет как среди рабочих, так и среди промышленников. Хороший замысел был сведен к нулю его исполнителями»¹²⁴. Некоторых членов Комитета, включая «всесильного» комиссара Харьковской губернии Тулякова, уже очень скоро ждала печальная судьба.

Однако свою роль в формировании идеи неделимости Донецко-Криворожского бассейна как цельного экономического региона Временный комитет сыграл. Постепенно административные границы между губерниями этого региона стирались. По мере ослабления центральных органов власти местные Советы и даже отдельные предприятия начинали выстраивать между собой горизонтальные связи, полностью игнорируя административно-территориальное деление царской России.

ТУЛЯКОВ ИВАН НИКИТИЧ

Родился 26 сентября (8 октября) 1877 г. в Тамбовской губернии. Потомственный крестьянин. Член РСДРП (меньшевик).

Жизнь и смерть Тулякова – наглядная иллюстрация того, как революция мгновенно возносит людей с низов на вершины и низвергает их обратно.

Крестьянин, солдат, рабочий Сулинского завода в Ростове, Туляков от РСДРП (объединенной) осенью 1912 г. избран депутатом 4-й Госдумы. В феврале 1917 г. – на вершине популярности, активный участник революции, пламенный трибун, популярный в рабочих и солдатских массах. В марте совместно с адмиралом Колчаком принимает парад Черноморского флота в Севастополе как представитель Временного правительства. 16 марта назначен комиссаром правительства (по сути, губернатором) в Харьковскую губернию. С июня 1917 г. – член ВЦИК по квоте меньшевиков.

С падением популярности Временного правительства катастрофически падает популярность его комиссаров, включая Тулякова, который был уже к концу лета фактически отстранен от процесса принятия решений местными Советами.

Примерно в мае 1918 г., всеми преследуемый и забытый, расстрелян неизвестными лицами. С момента триумфа «крестьянского депутата» прошло чуть больше года.

Примерно в это же время под Пятигорском расстрелян (предположительно большевиками) еще один депутат Госдумы, член Временного комитета Донбасса А. Добровольский.

Особенно тесно интегрировались между собой шахтерские районы Донбасса в Екатеринославской губернии и Области Войска Донского. К примеру, металлургический завод в Юзовке, имевший большие аграрные участки, поставлял зерно на шахты Донских земель. Различные политические организации формировали свои структуры и даже местные Советы исключительно исходя из своих партийных интересов. Например, юзовские меньшевики

¹²³ Борьба за власть Советов в Донбассе, с. 67–71.

¹²⁴ Возрождение, 19 апреля 1918 г.

вышли с инициативой сформировать районный Совет, который, помимо Юзовки, включал бы некоторые города Екатеринославской губернии и Области Войска Донского: Макеевку, Енакиев, Константиновку, Краматорск. При создании такой административной единицы большевики оказались бы там в меньшинстве, а потому не поддерживали такую инициативу, борясь за более крупные объединения, выгодные их партии¹²⁵.

Ниже мы увидим, что структуры различных партий, в том числе большевиков, формировались без строгой привязки к административным границам губерний, а к осени 1917 г. идея объединения экономических регионов Донецко-Криворожского бассейна в единую административную единицу окончательно сформировалась и стала доминирующей среди местных региональных элит края – как промышленных, так и политических.

Такие стремления проявились уже 15 марта 1917 г., то есть через два дня после формирования Временного комитета Донбасса. В этот день в уездном центре Бахмуте собрались 132 делегата (по некоторым данным, 138) от 48 Советов, представлявших 187 тыс. рабочих края. Практически это был первый шаг к формированию единой структуры власти для Донбасса. Делегаты одобрили уже витавшую в воздухе идею об объединении промышленных районов нескольких губерний в одну административную область и выдвинули делегатов на первый съезд Советов Донецко-Криворожской области в Харьков, а также на Всероссийское совещание Советов в Петроград¹²⁶.

Как видно из информационного сообщения о формировании юзовских Советов, на районном съезде в Бахмуте была выработана следующая структура: «уездный, губернский и областной Советы непосредственно сносятся с Петроградом»¹²⁷. Ни о каком промежуточном звене между областью и столицей России речи идти не могло, ни о какой Украине на тот момент даже вопрос не стоял. Необходимо подчеркнуть: в то время большевики были еще в значительном меньшинстве в регионе, Советы (в том числе рабочие) были преимущественно меньшевистскими и эсеровскими. Что бесспорно доказывает: формирование Донецко-Криворожской административной единицы, подотчетной непосредственно общероссийской власти, было начато без большевиков и даже без Артема, который в те дни находился еще далеко от России.

С 25 апреля по 6 мая 1917 г. в Харькове состоялся первый областной съезд Советов рабочих депутатов Донецкой и Криворожской областей, на котором завершился процесс административного объединения Харьковской, Екатеринославской губерний, Криворожского и Донецкого бассейнов. Область была разбита на 12 административных районов, в каждый из которых входило 10–20 местных Советов. «Такое районное деление Советов Донецко-Криворожского бассейна игнорировало старое административное деление, – отмечает Поплавский. – Уездные города – Славяносербск, Бахмут, Павлоград с доминирующим мелкобуржуазным, мещанским населением – исключались как центры объединения местных Советов. На смену им появлялись большие... промышленные центры – Луганск, Кадиевка, Дебальцево, Горловка, Макеевка и др.»¹²⁸. Отметим, что некоторые из этих центров (например, Макеевка) относились к Области Войска Донского, а некоторые (например, Кривой Рог) – к Херсонской губернии. Таким образом, Советы фактически положили в основу нового регионального образования административное деление, неформально применявшееся Съездами горнопромышленников Юга России.

В конечном итоге областной съезд принял положение об организационной структуре Советов Донецко-Криворожской области, которая была разбита на 11 районов: Харьковский, Екатеринославский, Александровско-Грушевский, Новочеркасский, Таганрогский,

¹²⁵ *Friedgut*, т. 2, с. 273, 310–311.

¹²⁶ *Кухтев*, с. 24; *Борьба за власть Советов в Донбассе*, с. 370.

¹²⁷ *Борьба за власть Советов в Донбассе*, с. 21.

¹²⁸ *Поплавский*, Диссертация, с. 71.

Луганский, Чистяковский, Юзовский, Ровенско-Должанский, Криворожский и Ростово-Донской¹²⁹. Эти территории в итоге и составили Донецко-Криворожскую республику (в обращении правительства ДКР от 7 апреля 1918 г. границы республики обозначаются этими землями и, сверх того, территориями Херсонской губернии вплоть до Крымского перешейка).

В ходе подготовки и проведения I областного съезда Советов за Харьковом была фактически закреплена и роль областного центра. На съезде 170 делегатов обсуждали огромное количество вопросов, включая вопросы об отношении к войне или о заработных платах рабочих. В конечном итоге на многопартийной основе был сформирован постоянно действующий орган – областной комитет Советов, который возглавил 33-летний харьковец (проживал по адресу Куликовская, 8¹³⁰), помощник присяжного поверенного Лазарь (в советских источниках его называют Львом) Голубовский, принадлежавший к партии левых эсеров.

С самого начала работа обкома Донкривбасса не задалась, с чем соглашались позже представители различных политических сил. Одна из серьезных проблем этого органа заключалась в том, что постоянно менявшаяся политическая обстановка стремительно изменяла и настроения населения в сторону их радикализации. На момент формирования обкома большевики были абсолютными маргиналами в регионе и, соответственно, в Советах. А по мере роста их популярности в промышленных регионах росла и их неудовлетворенность своей слабой представленностью в областном органе власти. Именно поэтому большевики пытались постоянно блокировать работу обкома и требовали его перевыборов – особенно после июльских событий в Петрограде, когда популярность их партии повсеместно поползла в гору.

Для решения этой проблемы на 1–2 сентября в Харькове была созвана областная конференция Советов. Однако ввиду корниловского мятежа ее работа была скомкана, а саму конференцию было решено считать «совещанием»¹³¹.

II областной съезд Советов Донецко-Криворожского бассейна удалось собрать 6 октября, когда в промышленных регионах уже превалировали большевики, а в Донбассе обострилась борьба рабочих Советов с казаками, устраивавшими карательные операции против бастовавших шахтеров. Представители РСДРП(б) в итоге уже были в относительном большинстве на съезде (по некоторым данным, из 130 делегатов 47 были большевиками, 41 – меньшевик, 34 – эсеры, 8 делегатов были беспартийными). Усилили свои позиции ленинцы и в обкоме. Но поскольку они вновь не получили там большинства, продолжали блокировать его работу. Советские историки поясняли это тем, что якобы при формировании состава съезда меньшевики выдали своим сторонникам 50 «незаконных» мандатов¹³².

Большевик М. Жаков (будущий нарком ДКР) так обрисовал первые месяцы работы обкома после реформирования: «На первых же заседаниях Областного Комитета мы столкнулись с тем, что фракции меньшевиков и с.-р., благодаря представительству от партийных центров получили преобладание, в то время как на съезде большинство в один голос было обеспечено нам. Это парализовало работу Областного Комитета. Мы не могли при таком положении разрешить ни одного принципиального вопроса и занимались только вермишелью»¹³³.

Артем на II съезде также выступил с резкой критикой обкома: «Я критикую областной Комитет не за бездеятельность, а за деятельность, направленную против рабочего класса. Комитет был канцелярией министерства труда». А делегат от Юзово-Макеево-Петровского района обвинил обком в том, что тот занимался исключительно партийной работой: «В своей

¹²⁹ Поплавський, Дисертація, с. 71.

¹³⁰ Весь Харьков, с. 78.

¹³¹ Борьба за власть Советов в Донбассе, с. 126.

¹³² Поплавський, Дисертація, с. 73; Кихтев, с. 148.

¹³³ Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

работе вел одностороннюю политику, рассылал рабочим литературу, восхвалявшую соглашателей Церетели и Чернова»¹³⁴.

После Октябрьского переворота в Петрограде ситуация в областных органах Советов Донкривбасса еще больше усугубилась. Большевики требовали реальной власти в обкоме и поставили на повестку дня его перевыборы, а соответственно – и новый съезд Советов. Тщетно меньшевики и эсеры призывали ленинцев к компромиссам на местном и на общероссийском уровне (сразу после Октября Донецко-Криворожский обком издал воззвание к Ленину с призывом выработать общую линию поведения с другими социалистическими партиями России¹³⁵).

23 ноября 1917 г. большевистская фракция обкома обнародовала свое воззвание «К рабочим Донецкого и Криворожского бассейнов», в котором потребовала переизбрания областного комитета: «Прошлый, II съезд Советов дал большинство в Областном комитете не нам, а тем, кто против политики нашей партии. В результате, сейчас, в момент полного развала власти в нашем бассейне мы должны бессильно опустить руки. Власть революционного правительства рабоче-крестьянской революции большинство нашего Областного комитета отказалось признать, власть Киевского правительства Рады только саботирует возможность действия. От власти Советов Областной комитет отказался. Этим вся власть над жизнью горнорабочих и над их свободой отдана в руки капиталистов и их союзника Каледина... Мы не уходим из Областного комитета. Мы просто говорим вам: боритесь, но не рассчитывайте на Областной комитет... И попытайтесь выбрать на конференцию тех, кто сумеет из Областного комитета сделать орган борьбы против капиталистов»¹³⁶.

После этого, по словам Жакова, «Областной Комитет окончательно умер»: «Фактически даже вермишель рассматривалась только большевистским по составу президиумом, ибо никто на заседания Областного Комитета после трех раз не являлся». Хотя Голубовский возражал на обвинения Жакова: «Меньшевики и эсеры... не желали пользоваться большинством. Областной Комитет вообще был неспособен, и был бы таким, если бы там было даже только 2 меньшевика»¹³⁷. Тем самым даже глава обкома вынужден был признать резонность заявлений большевиков о неэффективности данного органа власти вплоть до января 1918 г. Справедливости ради надо заметить, что при всей неэффективности областного комитета Советов и его президиума, занимавшегося «вермишелью», другие органы власти в регионе к осени 1917 г. вообще прекратили свое существование. С Октябрем исчезли и номинальные представители центральной власти. А местная выборная власть в лице городских Дум уже мало кем праздновалась. Посему, скажем, решение пленума Харьковского городского Совета от 11 декабря 1917 г. о роспуске «реакционной Думы» даже противники большевиков восприняли с облегчением: мол, отмучилась¹³⁸.

¹³⁴ Кухтев, с. 148–149.

¹³⁵ Friedgut, с. 305.

¹³⁶ Большевистские организации Украины, с. 459.

¹³⁷ Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

¹³⁸ Земля и Воля, 12 декабря 1917 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.